

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

**ГЕОПОЛИТИКА И
ЭКОГЕОДИНАМИКА
РЕГИОНОВ**

Научный журнал

Том 3 (13) Выпуск 3

2017

**Симферополь
2017**

ISSN 2309-7663

Журнал основан в 2005 году.

Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС 77 – 61822 от 18.05.2015

*Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, протокол №*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

научного журнала «Геополитика и экогеодинамика регионов»

Главный редактор – д. геогр. наук, профессор И. Н. ВОРОНИН

Заместитель главного редактора – д. геогр. наук, профессор Б. А. ВАХРУШЕВ

Ответственный редактор – к. геогр. наук К. Ю. СИКАЧ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

д. экон. наук, профессор **БАШТА А. И.**; д. геогр. наук, профессор **БОКОВ В. А.**;
д. техн. наук, профессор **БОЛЬШАКОВ Б. Е.**; д. биол. наук, профессор
ИВАНОВ С. П.; д. биол. наук, профессор **ИВАШОВ А. В.**; д. биол. наук,
профессор **ЛИТВИНСКАЯ С. А.**; д. геогр. наук, профессор **ОЛИФЕРОВ А. Н.**;
д. геол. наук, профессор **ПАСЫНКОВ А. А.**; д. геогр. наук, профессор
ПЛОХИХ Р. В.; д. геогр. наук, профессор **ПОЗАЧЕНЮК Е. А.**; д. геогр. наук,
профессор **РЕТЕЮМ А. Ю.**; д. эконом. наук, профессор **РЕУТОВ В. Е.**; д. физ.-
мат. наук, профессор **ТИМЧЕНКО И. Е.**; д. геогр. наук, профессор
ХОЛОЩЕВ А. В.; д. эконом. наук, профессор **ЦЕХЛА С. Ю.**; д. геогр. наук,
профессор **ЯКОВЕНКО И. М.**; к. геогр. наук **Р. В. ГОРБУНОВ**

Все статьи публикуются в авторской редакции

Подписано в печать **XX.XX.201x г.** Формат 60×84/8

4,35 усл. п. л. Заказ № **НП/3**

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
КФУ имени В. И. Вернадского.

295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4

<http://geopolitika.cfuv.ru/>

РАЗДЕЛ I

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ**

УДК 323.14(477.75)

А. Б. Швец

Риск политизации этничности в Крыму

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», г. Симферополь
e-mail: fusion10@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты изучения пространственных маркеров процесса политизации этничности крымских этносов. Анализируется влияние славянского и тюркского социокультурных проектов на появление противоречий в славяно-тюркском межэтническом диалоге в Крыму. Обосновывается необходимость учета фактора этнического раскола в среде крымских татар для характеристики современных межэтнических противоречий в Крыму. Выделены территории, маркирующие на Крымском полуострове ареал социокультурной напряжённости.

Ключевые слова: этничность, риск, конфликт, география, Крым.

Введение и постановка проблемы

Этничность как наиболее доступное и эмоционально сильное средство политической мобилизации народов и дезинтеграции их контактов активно использовалась субъектами политического пространства Крыма в период его административного вхождения в состав Украины. Подтверждение этому обнаруживается в процессе анализа противоречий, сложившихся на полуострове в конце XX – начале XXI века между двумя доминирующими этническими группами: славянами, представленными русскими, и тюрками в лице крымских татар. Иные представители славян находились либо в состоянии политического партнёрства с тюрками, как это случилось с украинцами Крыма, либо занимали нейтральную позицию в процессе противостояния двух этносов. Причинами противостояния стала политизация социокультурных проектов русской и крымскотатарской этнических групп, которая осуществлялась партиями, общественными движениями, а также органами этнического самоуправления крымских татар в процессе формирования политического пространства украинского Крыма.

Суть «Русского (славянского) проекта» заключалась в патронате корневой системы русской этничности в Крыму, что предполагало сохранение русского языка и контактов с Россией, целостности мира православной веры и культуры, уникальности крымской автономии, построенной по территориальному, а не этническому принципу. Вместе с тем, этот проект не исключал возможности выхода Крыма из украинского государства и создания союза с Украиной и Россией по образцу бывшего СССР. Организационно проект был проявлен в программных документах многочисленных пророссийских политических партий правого и центристского спектра, появившихся в Крыму после развала Советского Союза, а информационно и финансово в последние годы он аккумулировался в общественной организации «Фонд “Москва–Крым”».

Отличительной чертой Русского проекта была идея «крымской русской идентичности» [11]. Её разделяли не все крымские общественные организации и партии прорусского спектра, считая, что появление «крымских русских» неоправданно раскалывает единство русского этноса в Крыму. Сторонники же идеи существования «крымских русских» считали, что анклавный характер развития русского этноса в Крыму сформировал феномен региональной идентичности «крымских русских». Для этой группы характерно особое отношение к понятию Родина. В сознании крымских русских оно совпадает с их малой родиной – Крымом [5]. При всей спорности идеи крымской русской идентичности, появление этого компонента в русском проекте оживляло его и фокусировало внимание на особенности русского населения полуострова, позволявшую ему иметь право на собственное место в истории Крыма.

«Крымскотатарский (тюркский) социокультурный проект», подобно русскому, был нацелен на сохранение уникальности культурного наследия крымских татар, их языка и религии. Вместе с тем, проект был направлен на сохранение особенности крымских татар не только среди славянских народов Крыма, но и среди тюрков и всех других татар (волжских, к примеру). Он соотносил этногенез крымских татар с древними народами Крыма: таврами, скифами, готами, а отнюдь не с Золотой Ордой и потомками Чингизидов [22]. Такая трактовка уникальности своей этнической группы формировала в среде крымских татар представление о необходимости получения «уникального» статуса «коренного народа» Крыма и обретения на этой основе собственной этнической государственности. Идея обретения государственности – мощнейшее объединительное начало крымских татар.

В одном из первых документов крымскотатарского национального движения – «Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа», принятом на II Курултае крымских татар в 1991 году, – указывалось: «Крым является национальной территорией крымскотатарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение так, как оно изложено в международных правовых актах, признанных мировым сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымскотатарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымскотатарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом» [7].

После появления этого документа в Крыму был создан меджлис – исполнительный орган народного собрания крымских татар – Курултая, – юридически не зарегистрированный украинской властью до настоящего времени. Во всех административных районах полуострова сформировалась разветвлённая система региональных меджлисов. Появилось Духовное управление мусульман Крыма (ДУМК), находившееся под влиянием меджлиса, но неподотчётное Духовному управлению мусульман Украины (ДУМУ), а в настоящее время не вошедшее ни в один из действующих мусульманских центров Российской Федерации. По сути, в Крыму была создана политическая инфраструктура мобилизации этничности крымских татар, которая после воссоединения Крыма с Российской Федерацией потеряла легитимность, но не каналы информационно-психологического влияния на крымских татар.

Существование двух социокультурных проектов в этнической среде Крыма актуально и после его вхождения в состав Российской Федерации. Изменилось общественное восприятие этих проектов. В настоящее время они не рассматриваются как конфронтационные. Русский проект преобразуется в российский, предполагающий приобщение к ценностям российской идентичности представителей всех групп полиэтничного крымского социума. После принятия принципиально важного для крымских татар закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов Крыма», подписанного президентом России 21 апреля 2014 года, появилась надежда на то, что крымские татары, отказавшись от идеи построения национального государства в Крыму, проявят готовность выработать новую объединительную идею: «Крымские татары – это россияне!» Об актуальности такой трансформации заявило межрегиональное общественное движение «Къырым», позиционирующее себя альтернативой запрещенного за экстремизм меджлиса крымскотатарского народа [20]. С позицией «Къырыма» резко не согласны члены меджлиса, которые привыкли выступать от имени всех крымских татар. Сформировав своеобразное «правительство в изгнании», меджлис не снимает в своей деятельности призыва к созданию этнического государства в Крыму. С подачи лидеров меджлиса на Украине педальруется идея придания статуса «коренного народа» крымским татарам. Расчет сделан на то, что, обосновав «коренной» статус крымскотатарского народа в международных организациях, лидеры меджлиса обоснуют незаконность референдума 2014 года о воссоединении Крыма с Россией. Ведь правом проведения референдума может обладать лишь коренной народ – крымские татары. Конфронтационность социокультурных проектов славянского и тюркского этносов возрождается из-за пределов Крымского полуострова.

Риск мобилизации этничности как следствие конфронтации между российским и крымскотатарским социокультурными проектами имеет пространственный аспект. Его смысл заключается в существовании территориальных особенностей возникновения межэтнической напряженности и конфликтности. Целью статьи стало рассмотрение вариантов поиска пространственных маркеров возникновения межэтнической напряженности и конфликтности в Крыму, для предупреждения возможного разрастания этих негативных тенденций в развитии полиэтничного региона.

Обзор ранее выполненных исследований

Следствием политизации этничности являются конфликты или столкновение противоборствующих сторон, которые могут развиваться по «консенсусному» или «раскольному» типу. Поиск пространственных маркеров причин возникновения конфликтов обоих типов приводит к выводу, что основной причиной появления конфликтов, связанных с этничностью, является этнический раскол. Исследование сущностного содержания этнических расколов пришло в отечественную общественную географию из политологии. В политологии проблематика этнического раскола появилась после вооруженных конфликтов, возникших на территориях национальных окраин бывшего Советского Союза. По мнению А. С. Ахиезера, раскол предполагает максимальное дистанцирование

конфликтующих сторон, непримиримость их позиций, разрушительность для общества последствий такого дистанцирования [9]. Упомянутый автор утверждал, что раскольная форма конфликта мало изучена на микрорегиональном уровне и требует усилий специалистов различной научной квалификации.

В зарубежной политологии, преимущественно североамериканской, ко второй половине XX в. был накоплен достаточный банк данных для изучения этнических конфликтов раскольного типа. Одним из популярнейших исследований в этой сфере стала книга Дональда Хоровица «Этнические группы в конфликте» [28]. В этом издании впервые представлен алгоритм возникновения этнического конфликта и введено понятие «политизации групп раскола», которые возникают в этнических коллективах под влиянием различных ценностных установок. Проблема этнического конфликта приобретала в трактовке Д. Хоровица социокультурный характер. Причина этнического раскола определялась как результат противоборства людей, имеющих различия в системе ценностей. Ценностная мотивация этнического конфликта была расширена Льюисом Кризбергом, который предлагал считать конфликтом «любое отношение между двумя и более сторонами, которые уверены в том, что имеют несовместимые цели» [29, с.17].

Отечественные географы обратились к проблематике изучения этнической конфликтности в конце 1990-х годов, когда была создана «первая в своём роде база данных по актуализированным и латентным этнотерриториальным конфликтам» [17, с. 288]. В последствии работы О. Б. Глезера [4], В. А. Колосова [16], Н. С. Мироненко, А. С. Денисенцева [21; 22], В. Н. Стрелецкого [26], Р. Ф. Туровского [27] создали теоретическое обрамление новому направлению исследований – геоконфликтологии, в котором этнические конфликты получили пространственные варианты объяснения причинности, последствий, типологических особенностей и возможностей регулирования.

Проблемой исследования этнических конфликтов в Крыму занимаются представители широкого круга гуманитарных наук. Их работы можно условно разделить на те, которые исследуют этнические конфликты в системе культурно-исторической – В. Э. Абдураимова [1], А. И. Айбабин, А. Г. Герцен, И. Н. Храпунов [2], В. Г. Зарубин [8] и геополитической причинности – В. Э. Григорьянца [6], Н. В. Киселёвой [13], С. Н. Киселёва [11; 12], А. Е. Кислого [15], А. Р. Никифорова [24; 25], А. В. Мальгина [18; 19]. В упомянутых работах фиксируются цели и содержание этнических и конфессиональных процессов в различные исторические периоды развития Крыма, отмечаются субъекты этнических противоречий и те мифологемы, которые создают неоднозначное поле их общественного восприятия. Вместе с тем крымские авторы, приведённые выше, не изучали взаимосвязи между частотой появления этнических противоречий и теми регионами Крыма, где они возникали. Как показывает опыт специального отслеживания пространственной динамики возникновения этнической напряжённости, существует определенная территориальная зависимость между местом и причинами возникновения протестных форм поведения людей, проживающих в Крыму.

Методика исследования

Базовым методом изучения пространственных маркеров процесса политизации этничности является мониторинг конфликтности, зафиксированной в средствах массовой информации (СМИ). В процессе мониторинга следует различать понятия «конфликт» и «конфликтность». Под *конфликтностью* автор понимает инвариантное состояние общественной системы, испытывающей трансформацию базовых ценностей. Конфликт есть результат указанной трансформации, проявленный в общественном мнении или поведении людей. Изучение конфликтности проводилось по двум сферам: *ценностной*, где учитывались все случаи межэтнической и межконфессиональной напряжённости, а также *ресурсной*, куда включались случаи несанкционированных захватов земельных участков, имевшие высокую степень актуальности в процессе обустройства крымских татар, вернувшихся из депортации. Земельные конфликты были отнесены нами к социально-экономическим.

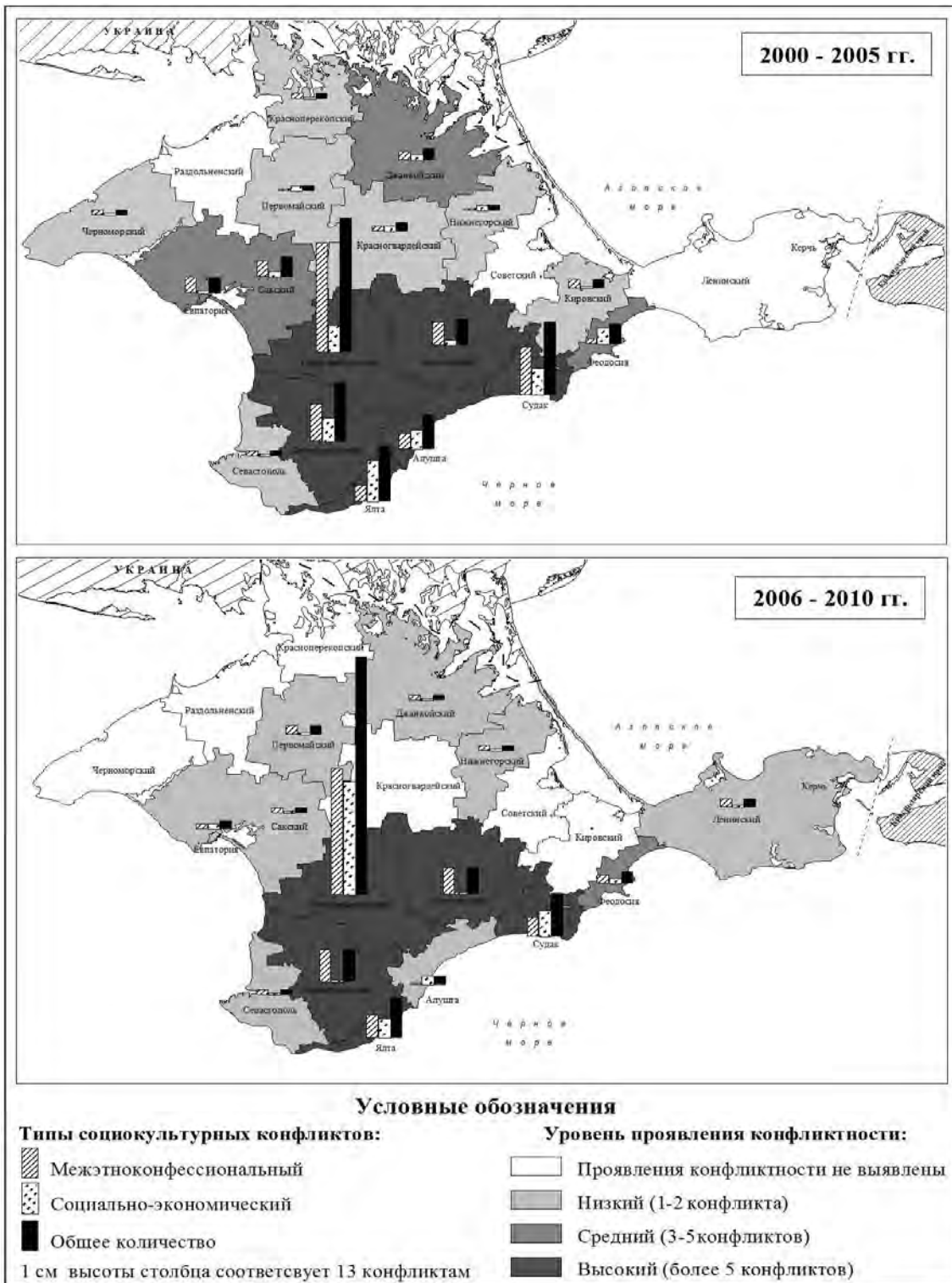
Конфликтность в Крыму имеет высокую степень политизации, что связано с его исторически обусловленной полиэтничностью, где каждый этнос имеет свою мифологию происхождения, укоренённости, места в истории. Разработанная автором методика паспортизации конфликтов позволила ему совместно с А. Н. Яковлевым и Д. А. Вольхиным проанализировать на уровне городских и сельских поселений, а также административных районов Республики Крым и г. Севастополя в динамике за значительный промежуток времени все случаи конфликтного поведения.

В паспорте конфликта указывается место его локализации, степень выраженности (высокая, средняя, низкая), зависящая от частоты конфликтных проявлений на заданный промежуток времени, выясняется характер конфликта (*затухающий, стабильный, нарастающий*). Определяется степень разрешённости конфликта (*резонансные*, т. е. имеющие продолжение в публикациях средств массовой информации; *решаемые*, иными словами – находящиеся на стадии принятия решений в органах власти; *латентные* – перешедшие в скрытую, нерешаемую на данный период времени стадию). Для Крыма географическая классификация и типология конфликтов проведена впервые.

Результаты и обсуждение

Первый очевидный результат нашего исследования заключается в том, что в период нахождения Крыма в административной системе Украины в пределах Большой Алушты, Симферополя, Старого Крыма, Судака, Большой Ялты, Феодосии, а также Бахчисарайского, Симферопольского, Белогорского муниципальных районов Республики Крым ***сформировался ареал устойчивого проявления конфликтности*** (рис. 1). В его пределах можно заметить предгорную (Бахчисарайский, Симферопольский, Белогорский муниципальные районы с городами Симферополем, Старым Крымом) и приморскую части (с городскими территориями Севастополя, Большой Ялты, Алушты, Судака, Феодосии). Предгорье выделяется преобладанием случаев конфликтности межэтнонационального характера, а приморская – социально-экономического или

земельно-имущественного, связанного со случаями самовольного захвата земельных участков.

Рис. 1. Динамика локализации конфликтности в Крыму (2000–2010 гг.)
Выполнили А. Б. Швец, А. Н. Яковлев

В число межэтноконфессиональных конфликтов автором отнесены все случаи манифестации крымскими татарами в региональном или общекрымском масштабах требования об осуществлении их права на национальную автономию, проводившиеся в форме массовых митингов, шествий, «полян протеста», перекрытия дорог, блокирования работы органов управления, а также случаи осквернения мусульманских и христианских кладбищ, поджогов мечетей или церквей, появление оскорбительных для крымских татар и других народов надписей на фасадах зданий, а также крайне редкие случаи «ритуальных убийств», в которых психическое нездоровье убийц, как, впрочем, и принадлежность их к радикальным исламским организациям, были не доказаны.

В пределах ареала устойчивого проявления конфликтности только за десятилетие 2000–2010 гг. было отмечено 226 межэтноконфессиональных и социально-экономических конфликтов, что составило 87,6 % их общего количества в этот временной интервал. Две трети конфликтов указанного десятилетия перешли впоследствии в латентную фазу, как и большинство крымских конфликтов. Десятилетие 2000–2010 гг. выбрано автором не случайно. Начало нового столетия совпало с изменением роли меджлиса крымских татар в организации его взаимодействия с властями Украины и Крыма. Это период, когда меджлис из органа исполнительной власти Курултая окончательно превращается в альтернативную властным структурам организацию, несмотря на отсутствие у него официально узаконенного статуса в украинском государстве [14], и стремится на конкретных случаях конфронтации с властью и мобилизации этничности крымских татар показать масштабы своего влияния. Количество протестных акций, имеющих этнический характер, в первое десятилетие XXI века устойчиво увеличивалось по сравнению с 1990-ми годами, когда большинство крымских татар было сориентировано на обустройство после депортации и проявляло основную активность в сфере самозахватов земельных участков вблизи крупных крымских городов (см. табл. 1).

Таблица 1.

Динамика проявлений конфликтности в Крыму

Годы	Общее количество конфликтов	Межэтноконфессиональные	Социально-экономические
1990	18	5	13
1991	11	2	9
1992	20	0	20
1993	12	0	12
1994	6	3	3
1995	10	2	8
1996	4	4	0
1997	5	5	0
1998	8	8	0
1999	18	18	0
2000	15	7	8
2001	13	10	3

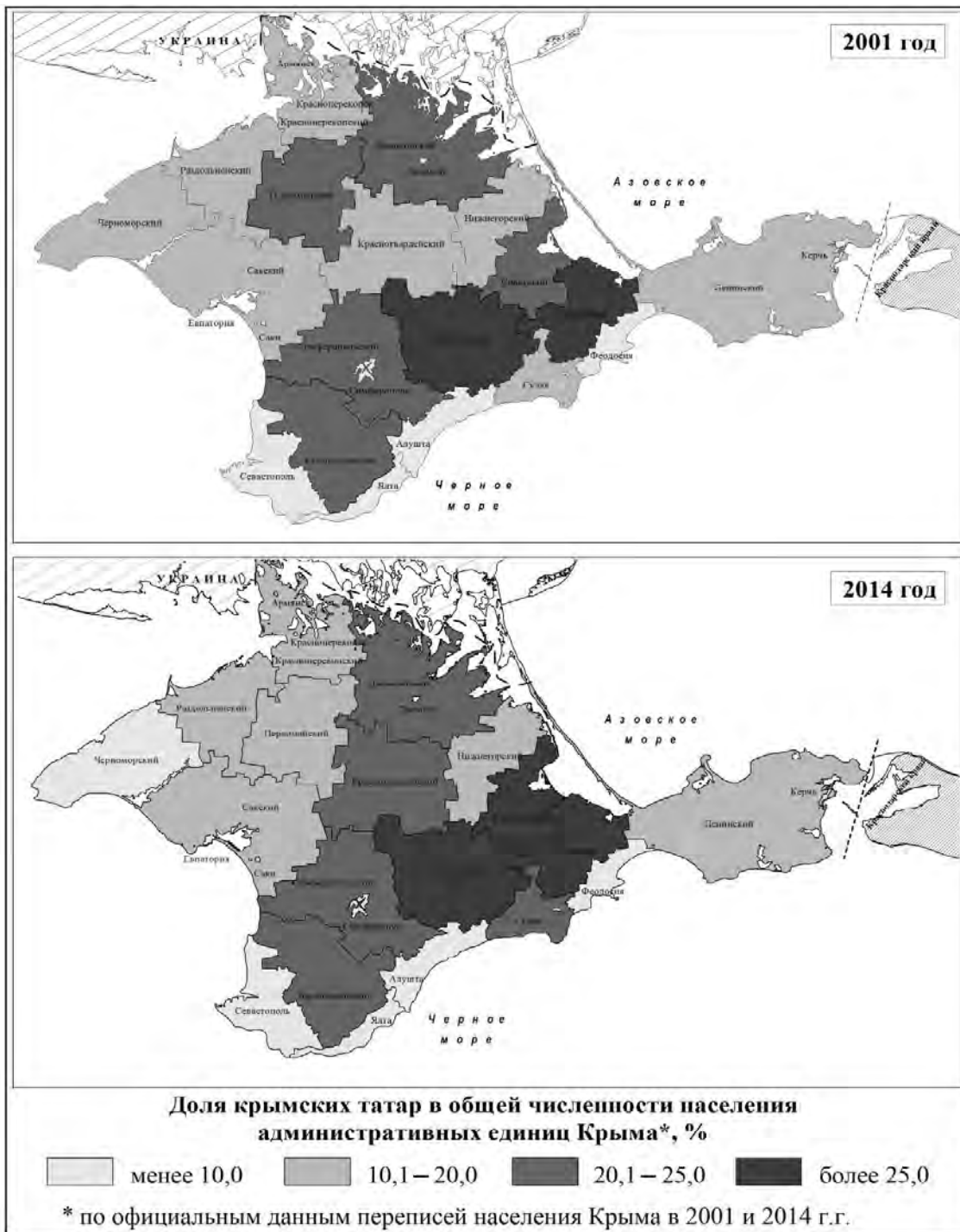
2002	7	4	3
2003	24	14	10
2004	36	31	5
2005	40	23	17
2006	18	15	3
2007	30	13	17
2008	32	15	17
2009	29	22	7
2010	14	9	5
2011	34	23	11
2012	35	22	13
2013	40	24	16
2014	58	48	10
Всего	538	352	186

Расчитано автором по материалам СМИ

Действия меджлиса с начала 2000-х годов приобрели сугубо политическую окраску. Стремясь мобилизовать этничность крымских татар, меджлис ввёл практику подкрепления их любых требований противоправными действиями, ведя параллельно переговоры с властями. Эта практика сохранялась вплоть до первой половины 2014 года, отличаясь лишь степенью радикализации протестных акций. Весь период своего «легального» существования в Крыму меджлис так и не смог предложить крымским татарам проект их интеграции в мультикультурную структуру крымского регионального сообщества. До момента своего запрета в российском Крыму эта организация продолжала этноцентристскую практику, не отказалась от «Декларации о национальном суверенитете крымских татар», не признала итоги крымского референдума 2014 года, обрекая тем самым крымских татар на сегрегацию, вызывая у большинства населения Крыма чувство недоверия по отношению к этой этнической группе.

Ещё одним результатом нашего исследования следует считать вывод о том, что ***пространственные границы ареала устойчивого проявления конфликтности совпадают в Крыму с территориями, имеющими демографический ресурс для мобилизации этничности.*** Речь идет о том, что административные территории, сформировавшие ареал устойчивого проявления конфликтности, имели по результатам Всеукраинской переписи населения 2001 г. повышенную долю крымских татар по сравнению с их этническим присутствием в других районах Крыма. Всеукраинская перепись населения 2001 г. отметила, к примеру, в Белогорском административном районе максимальную для Крыма величину удельного веса крымских татар в общей численности населения этого региона – 29,2 % [3]. Этническое лидерство среди крымских татар сохранилось в Белогорском муниципальном районе и по результатам переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г. (рис. 2). По результатам федеральной переписи Белогорский муниципальный район – единственная территория Крыма, где доля крымских татар составляет более трети населения (31,3 %)¹.

¹ – здесь и далее цифры приведены по материалам переписной статистики.

Рис. 2. Распределение крымскотатарского населения в Крыму
 Выполнила А. Б. Швец по [3; 10]

Этническая концентрация крымскотатарского населения в предгорной части Крымского полуострова сложилась в процессе внутренних миграций конца 1990-х годов. В 2000 г. доля внутрирегиональных перемещений в Крыму была максимально высокой и составляла более половины общего потока мигрантов. В

Крыму происходил процесс передела ландшафтной среды жизнедеятельности крымских этносов, который не завершён до настоящего времени.

Традиционно различные народы Крыма культурно доминировали в пределах определенных ландшафтных зон. Этническая география полуострова отмечала многовековое греко-римское господство в прибрежных районах Крыма, христианско-византийскую культуру горно-монастырских анклавов, прибрежную католическо-генуэзскую и венецианскую урбанистическую культуру, предгорно-степную культуру ислама, мультиландшафтную культуру славянских, а также иудейских общин.

Результаты Всеукраинской переписи населения 2001 года показали, что в пределах степной, предгорно-степной, лесной и прибрежной ландшафтных зон Крыма идут разнонаправленные этнические процессы: уменьшается доля русского и увеличивается крымско-татарское население. Причем уменьшение русских в степных районах Крыма было связано с их эмиграцией в Россию и страны дальнего зарубежья, а также переписыванием в момент переписи населения части русских Крыма в украинцев. Доля эмигрантов из Крыма в направлении России была в 2000 году максимальной среди иных географических направлений выезда, составляя 87,9 % общей численности выезжавших.

Пространственно рисунок локализации территорий с повышенной долей крымских татар в этнической структуре населения (свыше 25 %) не изменился по результатам российской переписи 2014 года. Кроме того, все регионы, вошедшие в ареал устойчивого проявления конфликтности, имели в означенный год положительное сальдо межрегионального (с регионами Украины и России) обмена. Статистика внутрикрымского миграционного обмена пока отсутствует. Но стабильность межрегиональной миграции в ареале устойчивого проявления конфликтности позволяет судить о сохранении привлекательности этой территории для мигрантов в целом.

Сосредоточение крымскотатарского населения в предгорных районах Крыма – это маркер их пространственной устремленности к возвращению в ландшафтную среду расселения горно-прибрежных территорий. Исторически сложилось так, что крымские татары занимали к началу XX в. наиболее комфортные в климатическом и гидрографическом отношениях участки крымского полуострова – предгорье и южнобережье. Лишившись их в результате депортации 1944 г., а также искусственного сдерживания местными властями процесса репатриационного расселения в начале 1990-х годов, крымские татары до сих пор не удовлетворены схемой их расселения преимущественно в степных регионах полуострова и при любой возможности покидают эти территории.

Меджлис нередко использовал фактор неудовлетворённости расселением крымских татар как дополнительный канал мобилизации их этничности, апеллируя к необходимости возврата людей не просто в Крым, а в тот район полуострова, откуда их выселяли в 1944 году, не учитывая того, что там уже прижились иные люди. Неудовлетворённость расселением порождала в украинский период развития Крыма не только внутрирегиональные миграции крымских татар, но и конфликтные варианты захватов ими земельных участков в предгорных и приморских территориях Крыма.

Несомненным результатом исследований автора стало предположение о том, что *пространственным маркером риска политизации этничности в*

российском Крыму может быть не только ареал устойчивого проявления конфликтности, но и территории дисперсного расселения крымских татар. Это практически все те районы Крыма, которые не вошли в ареал устойчивого проявления конфликтности и расположены в пределах менее комфортных с точки зрения не только природных условий, но и возможностей ведения бизнеса в северных и восточных частях полуострова.

В районах дисперсного проживания крымских татар сохраняется актуальность возникновения конфликтности по поводу наделения их земельными участками. В силу дисперсности расселения земельная проблема может затрагивать здесь не только интересы крымских татар, но и другого населения. В таком случае конфликтность может действительно приобрести межэтнический характер. Интернационализация земельной конфликтности уже имела место в Крыму. В середине 2000-х годов 92 % самозахватов земельных участков в Крыму осуществляли крымские татары, а 8 % – представители славянского населения [14, с. 29]. «Славянские самозхваты», или «славянские антипикеты» возникали как варианты протеста против протестов крымских татар. Подобные формы конфликтного поведения стали в Крыму маркерами правового нигилизма и нарастания межэтнического напряжения.

На протяжении всех лет нахождения Крыма в составе Украины лидеры межджиса эксплуатировали миф о народе-изгнаннике, который не может получить землю на родине. В действительности проблема наделённости землей крымских татар выглядела иначе. Землю крымским татарам украинская власть давала сразу же после их массового возвращения в Крым в 1991–1992 годах [20]. Но земельная проблема в Крыму имела не просто количественное измерение, она прошла своеобразную ценностную эволюцию.

В первые годы возвращения крымских татар межджис ориентировал их на решение земельной проблемы, что называется, вширь. Осуществлялась практика захватов земли без разбора её назначения. Захватывались любые участки, в том числе и земли сельскохозяйственного назначения. Крымские власти шли на уступки и узаконивали такие первоначальные захваты. Так возникали первые городские микрорайоны «компактного проживания репатриантов»: Фонтаны, Каменка, Дубки в Симферополе, Исмаил-бей в Евпатории и др. Практически вокруг всех городов Крыма возникали такие микрорайоны, придававшие городским поселениям образы сёл. В дальнейшем, к концу 1990-х годов, когда на Украине началась земельная реформа, протестная активность крымских татар не просто усилилась, но приобрела избирательный характер: целью протестных акций становится наделение землёй исключительно на Южном берегу Крыма, в Симферополе и его окрестностях. Заметим, что подобные «привилегированные» земли захватывались даже для строительства мечетей. К концу 2013 года, по данным Рескомзема, крымским татарам было выделено 90 тыс. участков под индивидуальную застройку, из них более 10 % не осваивалось [14]. А к этому времени в Крыму насчитывалось от 60 до 70 тыс. крымскотатарских домохозяйств. Иными словами, земельная проблема для крымскотатарского народа была как будто решена, поскольку каждая семья имела к этому времени земельные участки не в одном, а в нескольких районах Крыма. Но самозхваты, подчиняясь логике саморазвития, уже решали задачу наделения землёй не только каждой крымскотатарской семьи, но и каждого её взрослого члена. Эта задача во

многим определила миграционное движение крымских татар в предгорные и южнобережные регионы Крыма.

После воссоединения с Россией правительство Крыма и российские власти твёрдо ведут борьбу с ликвидацией самозахватов, добиваются в судах сноса незаконных строений, выплаты компенсаций за этот снос на каждом из 59 захваченных участков, составляющих 1500 га земельной площади Крымского полуострова [20]. Создан реестр незаконно захваченных участков, составляются списки людей, действительно нуждающихся в земле. Это лишает эмигрировавший за пределы Крыма меджлис серьёзного канала воздействия на радикализацию крымскотатарской этничности. Ведь в случае успешного решения земельного вопроса в Крыму у лидеров меджлиса исчезнет эффективный механизм влияния на межнациональные отношения на полуострове.

Выводы

Подводя итоги проведенному исследованию, заметим, что проблема мобилизации этничности в Крыму намного глубже представленной автором версии. Процесс политизации этничности как сложная система компромиссов и решительных действий, связанных с переформатированием этнической идентичности под влиянием политических мифологем, внедряемых в сознание, затрагивает разные стороны жизни людей в полиэтничном регионе, которым является Крым. Пространственный аспект политизации этничности наименее изучен. Поиск географических оснований изучения мира конфликтности в глобализирующемся обществе – одна из актуализированных проблем отечественной общественной географии. Ее содержание заключено в стремлении внедрить в общественную географию принципы новой пространственности, основанные на представлении о том, что объектом географических исследований могут быть формы поведения людей, характеризующиеся внешней деструктивностью.

Риск политизации этничности, понимаемый автором как вариант актуализации накопившихся в обществе деструктивных напряжений, может проявиться в любой из доминирующих в Крыму этнических групп: русских, украинцев, крымских татар. Но после воссоединения Крыма с Россией славянская часть этнического сообщества практически реализовала свою социокультурную программу межэтнического взаимодействия и, по сути, готова предложить иным этническим группам принять интернационализированную форму идентичности: «мы – россияне». Для крымских татар, на протяжении двадцатилетия создававших в Крыму альтернативный русскому, а, следовательно, российскому, мир ценностных установок и этнических мифологем, наступило время выбора. От того, какой путь интеграции в социокультурное пространство России изберёт этот народ – конфронтационный или согласительный – зависит его дальнейшая судьба и судьба всего полиэтничного сообщества крымчан.

Таким образом, риск политизации этничности в Крыму имеет смысл изучать в контексте политических процессов, разворачивающихся в среде крымских татар и затрагивающих интересы всех народов, проживающих в регионе.

В Крыму не может формироваться идентичность «коренных» и «некоренных» народов, поскольку минувшее двадцатилетие оставило на

территории полуострова пространственные маркеры борьбы за укоренение. Такими маркерами стали *территории с устойчивым проявлением конфликтности*. Они формировались под влиянием национальной политики Украины, которая строилась в Крыму на противопоставлении интересов русских (крымских русских), стремящихся сохранить русский язык и связи с Россией, и крымских татар, позиционирующих себя «коренным» народом полуострова. Результатом такого противостояния стало постоянное присутствие конфликтов *ценностного и ресурсного* типов в этническом пространстве Крыма.

Актуальность возврата конфликтности в межэтнических процессах на Крымском полуострове нельзя приуменьшать. Сохранена социально-политическая база конфликтности. Крымские татары в условиях российского Крыма продолжают находиться под влиянием сегрегационной идеологии меджлиса. Лидеры этой организации изгнаны с территории полуострова, но традиция прислушиваться к их мнению в крымскотатарской среде осталась. Меджлис находится в поле влияния антироссийской политики украинского государства. Лидеры этой организации активно формируют образ России, разделившей татар. Разделение проходит на тех, кто остался в Крыму и позиционируется как пособник «оккупантов», и на «правильных» татар, покинувших полуостров или отказывающихся сотрудничать с российской властью. Внутриэтнический раскол будет нарастать и может дополниться межэтническим, если проблемы обустройства крымских татар, наделения их землёй, сохранения их культурного наследия будут осознаваться российской и крымской властью как сугубо крымскотатарские, не затрагивающие интересов других народов полуострова.

Литература

1. Абдураимов В. Э. Некоторые особенности этнических процессов в современном Крыму // *Этнография Крыма XIX–XX вв. и современные этнокультурные процессы*. – Симферополь, 2002. С.1–4.
2. Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // *Материалы по истории, археологии и этнографии Крыма*. Вып. 3. – Симферополь, 1993. С. 211–222.
3. Всеукраинская перепись 2001 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://archive.is/quJY7> (дата обращения 28.11.2016 г.)
4. Глезер О. Б., Колосов В. А., Петров Н. В., Стрелецкий В. Н., Трейвиш А. И. Самая политическая карта СССР // *Московские Новости*. 1991. № 11. С. 8–9.
5. Градировский С. Н. Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // *Сетевой проект «Русский архипелаг»* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.arhipelag/text\149htm> (дата обращения 1.11.2016).
6. Григорьянц В. Э. О некоторых особенностях развития социокультурной ситуации в Крыму // *Пилигримы Крыма. Сб. науч. статей и материалов*. Вып. 2 (7). Новая и новейшая история Крыма. – Симферополь: «Крымский Архив», 2003. С. 28–35.
7. Декларация о национальном суверенитете крымско-татарского народа [Электронный ресурс] // *Документы Курултая татар Крыма (26–30 июня 1991*

- г.). № 45–54. – URL: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdekl.htm> (дата обращения 25.11.2016).
8. Зарубин В. Г. Об этнонациональном конфликте в Крыму (1918 г.) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. – Симферополь, 2001. С. 397–409.
  9. Ильин В. В., Ахизер А. С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. – М.: Изд-во МГУ, 2000. 304 с.
  10. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе /Федеральная служба государственной статистики. – М.: НИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
  11. Киселёв С. Н. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «География». 2004. Т. 17 (56), № 4. С. 210–216.
  12. Киселев С. Н., Киселева Н. В. Размышления о Крыме и геополитике. – Симферополь: «Крымский Архив», 1994. 63 с.
  13. Киселева Н. В. Социологическое измерение угрозы межэтнического конфликта в Крыму // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. С. 139–145.
  14. Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы решения. – Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
  15. Кислый А. Е. Историко-демографические предпосылки этноконфликтности // Межэтническое согласие в Крыму. – Симферополь: Доля, 2001. С. 108–120.
  16. Колосов В., Заяц Д. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей. Урегулирование будет долгим и трудным // Официальный сайт «Независимой газеты» – URL:http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (дата обращения 05.11.2007).
  17. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2002. 479 с.
  18. Мальгин А. В. «Русский Крым» в посторанжевой Украине: новые реалии – старые проблемы // Вопросы развития Крыма. Вып. 16. Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы. – Симферополь: СОНАТ, 2012. С. 333–347.
  19. Мальгин А. В. Новое в самосознании этнических групп Крыма и перспективы крымского регионального сообщества // Межэтническое согласие в Крыму: пути достижения. – Симферополь, 2002. С. 75–91.
  20. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 года / Ред. Тишков В. А., Степанов В. В. – Москва–Симферополь: ООО «Антиква», 2015. 88 с.
  21. Мироненко Н. С. Экологические проблемы в районах вооруженных конфликтов и войн: постановка проблемы // Проблемы геоконфликтологии. Т. 2. М.: «Пресс-Соло», 2004. С. 263–275.
  22. Мироненко Н. С., Денисенцев А. С. О политической геоконфликтологии как области географического знания // Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. / Под ред. Н. С. Мироненко. – М.: Пресс-Соло, 2004. Т. 1. С. 12–24.

23. Мустафаев Ш. Е. Некоторые моменты этногенеза крымских татар // История и современность. 2007. № 1. С. 204–211.
24. Никифоров А. Р. Крымскотатарская карта разыгрывается из-за пределов Крыма [Электронный ресурс]. – Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/09/29/krymskotatarskaya_karta_razygryvaetsya_iz_za_predelov_kryma (дата обращения 29.11.2016).
25. Никифоров А. Р. Этнические процессы в современном Крыму // Этнография Крыма XIX–X вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы исследований. – Симферополь, 2002. С. 94–99.
26. Стрелецкий В. Н. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. С. 225–249.
27. Туровский Р. Ф. Территориальное распространение этносоциального конфликта // Вестн. Моск.ун-та. Сер.5. География, 1992. – № 2. – С. 89–95.
28. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Calif.: University of California Press, 1985. 711 p.
29. Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood. NJ: Prentice-Hall. 1977. P.17–18.

A. B. Shvets

The risk of polarization of ethnicity in Crimea

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Russian Federation
e-mail: fusion10@mail.ru

***Abstract.** The article presents the results of studying the spatial markers of politicization process of ethnicity of the Crimean ethnoses. The influence of Slavic and Turkic socio-cultural projects on the appearance of contradictions in the Slavic-Turkic interethnic dialogue in Crimea is analyzed. It is substantiated that it is necessary to take into consideration the factor of ethnic split among Crimean Tartars to characterize the current interethnic contradictions in Crimea. The territories that mark the area of socio-cultural tension on the Crimean Peninsula have been singled out.*

***Key words:** ethnicity, risk, conflict, geography, Crimea.*

References

1. Abduraimov V.EH. Nekotorye osobennosti ehtnicheskikh processov v sovremennom Krymu // Ehtnografiya Kryma XIX – HKH vv. i sovremennye ehtnokul'turnye processy. – Simferopol', 2002. S.1-4.
2. Ajbabin A.I., Gercen A.G., Hrapunov I.N. Osnovnye problemy ehtnicheskoj istorii Kryma // Materialy po istorii, arheologii i ehtnografii Kryma. Vyp.3.- Simferopol', 1993. S.211-222.
3. Vseukrainskaya perepis' 2001 god [EHlektronnyj resurs]. - URL: <http://archive.is/quJY7> (data obrashcheniya 28.11.2016 g.)

4. Glezer O.B., Kolosov V.A., Petrov N.V., Streleckij V.N., Trejvish A.I. Samaya politicheskaya karta SSSR // Moskovskie Novosti. 1991. № 11. s.8-9.
5. Gradirovskij S.N. Rossiya i postsovetskie gosudarstva: iskushenie diasporal'noj politikoj // Setevoj proekt «Russkij arhipelag» [EHlektronnyj resurs]. - URL: <http://www.arhipelag/text/149htm> (data obrashcheniya 1.11.2016).
6. Grigor'yanc V.EH. O nekotoryh osobennostyah razvitiya cociokul'turnoj situacii v Krymu // Piligrimy Kryma. Sb. nauch. statej i materialov. Vyp.2 (7). Novaya i novejšhaya istoriya Kryma. - Simferopol': «Krymskij Arhiv». 2003. S.28-35.
7. Deklaraciya o nacional'nom suverenitete krymsko-tatarskogo naroda [EHlektronnyj resurs] // Dokumenty Kurultaya tatar Kryma (26-30 iyunya 1991 g.). № 45-54. - URL: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdekl.htm> (data obrashcheniya 25.11.2016).
8. Zarubin V.G. Ob ehtnonacional'nom konflikte v Krymu (1918 g.)// Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik. Vyp.2. – Simferopol', 2001. S.397-409.
9. Il'in V.V., Ahiezer A.S. Rossijskaya civilizaciya: sodержanie, granicy, vozmozhnosti. – M.: Izd-vo MGU, 2000. – 304 s.
10. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge /Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. – M.:NIC «Statistika Rossii», 2015. – 279 s.
11. Kiselyov S.N. Krymskaya russkaya identichnost' kak ehtnopoliticheskaya real'nost' // Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I.Vernadskogo. Seriya «Geografiya». 2004. T.17 (56). № 4. S.210-216.
12. Kiselev S.N., Kiseleva N.V. Razmyshleniya o Kryme i geopolitike. – Simferopol': «Krymskij Arhiv», 1994. – 63 s.
13. Kiseleva N.V. Sociologicheskoe izmerenie ugrozy mezhehtnicheskogo konflikta v Krymu // Voprosy razvitiya Kryma. Vyp.16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – Simferopol': SONAT. 2012. S.139-145.
14. Kiselyova N.V., Mal'gin A.V., Petrov V.P.,Formanchuk A.A. EHtnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy resheniya. – Simferopol': Salta, 2015. -352 s.
15. Kislyj A.E. Istoriko-demograficheskie predposylki ehtnokonfliktnosti // Mezhehtnicheskoe soglasie v Krymu. – Simferopol': Dolya, 2001. S.108-120.
16. Kolosov V., Zayac D. Pridnestrovskij konflikt: srazhenie identichnostej. Uregulirovanie budet dolgim i trudnym // Oficial'nyj sajt «Nezavisimoj gazety»: - URL:http://cis.ng.ru/opinions/2000-11-29/5_konflikt.html (data obrashcheniya 05.11.2007).
17. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya. – M.: Aspekt Press, 2002.- 479 s.
18. Mal'gin A.V. «Russkij Krym» v postoranzhevoj Ukraine: novye realii-starye problemy // Voprosy razvitiya Kryma. Vyp.16. Krymskoe regional'noe soobshchestvo: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy. – Simferopol': SONAT. 2012. S.333-347.
19. Mal'gin A.V. Novoe v samosoznanii ehtnicheskikh grupp Kryma i perspektivy krymskogo regional'nogo soobshchestva // Mezhehtnicheskoe soglasie v Krymu: puti dostizheniya. - Simferopol', 2002. C.75-91.

20. Mezhehtnicheskie otnosheniya i religioznaya situaciya v Krymskom federal'nom okruge. EHkspertnyj doklad 2015 goda / Red. Tishkov V. A., Stepanov V.V. – Moskva-Simferopol': ООО «Antikva», 2015. – 88 s.
21. Mironenko N.S. EHkologicheskie problemy v rajonah vooruzhennyh konfliktov i vojn: postanovka problemy / Problemy geokonfliktologii. T.2. M.: «Press-Solo». 2004. S.263-275.
22. Mironenko N.S., Denisenov A.S. O politicheskoy geokonfliktologii kak oblasti geograficheskogo znaniya // Problemy geokonfliktologii. V 2 t. / Pod red. N.S.Mironenko. – M.: Press-Solo. 2004. T.1. S.12-24.
23. Mustafaev SH.E. Nekotorye momenty ehtnogeneza krymskih tatar // Istoriya i sovremennost'. 2007. № 1. S.204-211.
24. Nikiforov A.R. Krymskotatarskaya karta razygryvaetsya iz-za predelov Kryma [EHlektronnyj resurs]. – Russkaya narodnaya liniya. Informacionno-analiticheskaya sluzhba. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2015/09/29/krymskotatarskaya_karta_razygryvaetsya_iz_za_predelov_kryma (data obrashcheniya 29.11.2016).
25. Nikiforov A.R. EHtnicheskie processy v sovremennom Krymu // EHtnografiya Kryma HIIH-HKH vv. i sovremennye ehtnokul'turnye processy./ Materialy issledovaniy. - Simferopol'. 2002. S.94-99.
26. Streleckij V.N. EHtnoterritorial'nye konflikty: sushchnost', genezis, tipy // Identichnost' i konflikt v postsovetskih gosudarstvah. – M., 1997. S. 225-249.
27. Turovskij R.F. Territorial'noe rasprostranenie ehtnosocial'nogo konflikta // Vestn. Mosk.un-ta. Ser.5. Geografiya. 1992. №2. S.89-95.
28. Horowitz D.L. Ethnic Groups in Conflict. – Berkley, Calif.: University of California Press, 1985. 711 p.
29. Kriesberg L. Sociology of Social Conflict. Englewood. NJ: Prentice-Hall. 1977. R.17-18.

Поступила в редакцию 13.09.2017 г.

УДК 911.3
Л. А. Ожегова¹
Я. М. Ковалюк²

Теоретико-методологические основы политико-географического изучения международных споров в Мировом океане

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского», г. Симферополь
e-mail: ¹luda-ojegova@yandex.ru, ²uchihafromthekill@mail.ru

Аннотация. Проанализировано развитие политико-географического подхода в изучении Мирового океана. Выявлена степень политико-географической изученности Мирового океана. Представлена трехуровневая модель процесса возникновения и разрешения морских споров и конфликтов в Мировом океане. Охарактеризованы территориальные уровни возникновения морских споров и конфликтов, организации, участвующие в разрешении морских споров и конфликтов. Дана характеристика основных видов морских споров и конфликтов.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, Мировой океан, Международная морская организация.

Введение

Океаническое направление в геополитике и политической географии – одно из относительно молодых, своеобразных и весьма перспективных направлений. Данная тема интересна тем, что в настоящее время существуют различные виды международных споров, связанных с Мировым океаном. Принцип их мирного разрешения имеет важное политико-правовое значение в регулировании межгосударственных отношений. Предупреждение разногласий, своевременное устранение и выход из сложившегося конфликта – важная задача международного сообщества. Данная проблема рассматривалась и рассматривается разными научными дисциплинами. Интересна она и для географии, в частности для политической географии. Целью статьи является обобщение теоретико-методологических подходов к политико-географическому изучению морских споров и конфликтов в Мировом океане. В рамках поставленной цели нами разработана интегральная модель процесса возникновения и разрешения морских споров и конфликтов в Мировом океане, которая представлена в данной работе.

Материалы и методы

Геополитика – это научная дисциплина, которая находится на стыке классической географии и политики, воздействующая на различные сферы общества. Геополитика рассматривает взаимосвязанные компоненты и закономерности политики, образуя систему факторов, из которой формируется, в частности, и географическая среда. В методологической базе современной теории

геополитики следует выделить два основных принципа. Во-первых, она понимается в качестве науки, рассматривающей вопрос о мировом соперничестве крупных государств за власть в той или иной части земного шара, о попытках управлять глобальными процессами и потоками ресурсов и т. п. Во-вторых, она представляет собой прикладную область, которая используется во внешней политике, позволяя корректировать политические действия, исходя из различных географических факторов [1].

У истоков геополитики и политической географии стоял географический детерминизм, в котором объяснялось развитие общества, исходя из первоочередного значения географической среды или отдельных ее факторов (климат, почва, рельеф, полезные ископаемые и т. д.). Среди тех, кто первыми обращали свое внимание на вопросы зависимости нравов, обычаев, образа правления от географической среды, были такие античные ученые и философы, как Гиппократ, Геродот, Страбон.

После эпохи великих географических открытий многие ученые в разное время и исторические эпохи рассматривали влияние географической среды. Среди них – Жан Боден (1530–1596), Шарль Монтескье (1698–1755), Иоганн Гердер (1744–1803), Карл Риттер (1799–1859), Иммануил Кант (1724–1804). В отечественной географии Л. И. Мечников (1838–1888) в труде «Цивилизация и великие исторические реки» придавал особое значение гидросфере как фактору, оказывающему влияние на развитие цивилизаций, выделяя три периода человеческой истории: речную, морскую и океаническую [2]. Именно его стоит считать одним из родоначальников речного и морского направления геополитики в России.

Собственно океаническое направление в геополитике – одно из относительно молодых и весьма перспективных направлений. Само выделение этого направления обусловлено спецификой природопользования, особенностями политико-географических процессов и явлений в Мировом океане, существенно отличающихся от протекающих явлений на суше. В современном понимании родоначальниками океанического направления геополитики принято считать А. Мэхена, Х. Маккиндера и Н. Спайкмена.

Альфред Мэхен (1840–1914) в своих трудах придает первоочередное значение географическому положению морских цивилизаций, когда отсутствуют сухопутные границы и нет необходимости вести изматывающие войны за продвижение страны вглубь континента. Главным научным достижением стало введенное им понятие «принцип анаконды», впервые примененное в ходе Гражданской войны в США (1861–1865). Суть сводится к блокированию территорий противника с моря и по береговым линиям с целью стратегического истощения. По его мнению, евразийские державы (Россия, Китай, Германия) следует удушать таким путем, сокращая сферы их влияниями над береговыми территориями и минимизируя возможности выхода к морским акваториям. Кратчайший путь США к господству на море лежит через уничтожение главных военно-морских сил противника [3].

Хэлфорд Маккиндер (1861–1947) сформулировал концепцию «Хартленда» (или сердца Земли). Под этим понятием подразумевалась Евразия. Чтобы господствовать над ней, необходимо ею овладеть. В своих трудах Маккиндер отмечал, что «Хартленд – это цитадель Мирового острова, а “шторм” начинается

из пределов Хартленда. Только Хартленд имеет достаточно прочную основу для концентрации силы с целью угрожать свободе мира изнутри цитадели Евразийского континента. Морские державы не могут проникнуть в нее, а старания окраинных стран всегда заканчивались поражениями (например, Карла XII, Наполеона)» [3].

Николас Спайкмен (1893–1943) продолжил разрабатывать теорию Мэхена и воспринимал геополитику как способ, дающий возможность сформировать эффективную международную политику. В труде «География мира» (1944) он ввел концепцию «Хартленд – Римленд». Согласно этой теории, автор в качестве ключевой зоны в Евразии выделяет Римленд, представляющий из себя гигантскую дугу, включающую приморские евразийские государства, где осуществляется противостояние между СССР и США. Следовательно, было предложено создание форпостов в береговой зоне Евразии с целью возможного наступления «атлантистов» на материк [3].

Теоретические основы исследований политических конфликтов были заложены в трудах и монографиях Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Э. Дюркгейма, Ф. Коломбо, М. Вебера, Ф. Брайара, Д. Бартона, С. Хантингтона и других учёных, чей анализ причин и способов разрешения конфликтов в современной истории считается классическим.

В числе работ современных российских политологов, ведущих исследования международных конфликтов, следует выделить публикации С. Б. Слевича, Н. К. Арбатовой, Е. М. Примакова, Д. Ю. Алексева, П. Ю. Самойленко, Д. М. Фельдмана, в которых затрагиваются как вопросы методологии исследования международных конфликтов, так и способы их разрешения.

Однако область интересов отечественных и зарубежных учёных ни в коей мере не ограничивается изучением межгосударственных конфликтов в Мировом океане. Они также касаются анализа конкретных международных конфликтов. Особое внимание уделяется авторами геополитическим проблемам в северо-западной части Тихого океана, шельфа в Северном Ледовитом океане, различной полемике и дискуссиям вокруг участков морских пространств (островов, полуостровов, водных акваторий). Свое внимание в публикациях они первоначально заостряют на тех политических проблемах, которые непосредственно представляют интересы для Российской Федерации, или тех, в которые она вовлечена непосредственно или опосредованно.

Ряд проблем частично рассматривается в аналитических исследованиях американских политологов и геополитиков З. Бжезинского, Г. Киссинджера, Р. Скалапино, которые дают свою оценку с точки зрения интересов США по всему миру.

Результаты и обсуждения

Процесс возникновения конфликтов в Мировом океане характеризуется целым рядом причин: от политических до экономических, от культурных до историко-географических. Это определенные условия и факторы, которые создают «вход» в конфликтные ситуации. Из-за разнообразной структуры и свойств конфликтные ситуации могут длиться несколько десятилетий, столетий и даже веков. Не все из них имеют «выход» или принцип разрешения. Существуют

определенные последствия возникновения конфликтов и связанные с этим риски. Тем не менее есть процедуры и возможности, позволяющие перевести конфликты из открытого напряженного очага в состояние локальных замороженных споров, какой бы ни была политическая конъюнктура на данный момент.

Для характеристики конфликтных ситуаций на разных иерархических уровнях нами была разработана интегральная модель процесса возникновения и разрешения морских споров и конфликтов в Мировом океане, состоящая из трех блоков: территориального, управленческого и функционального (рис. 1).

Территориальные уровни возникновения морских споров и конфликтов (Территориальный блок)

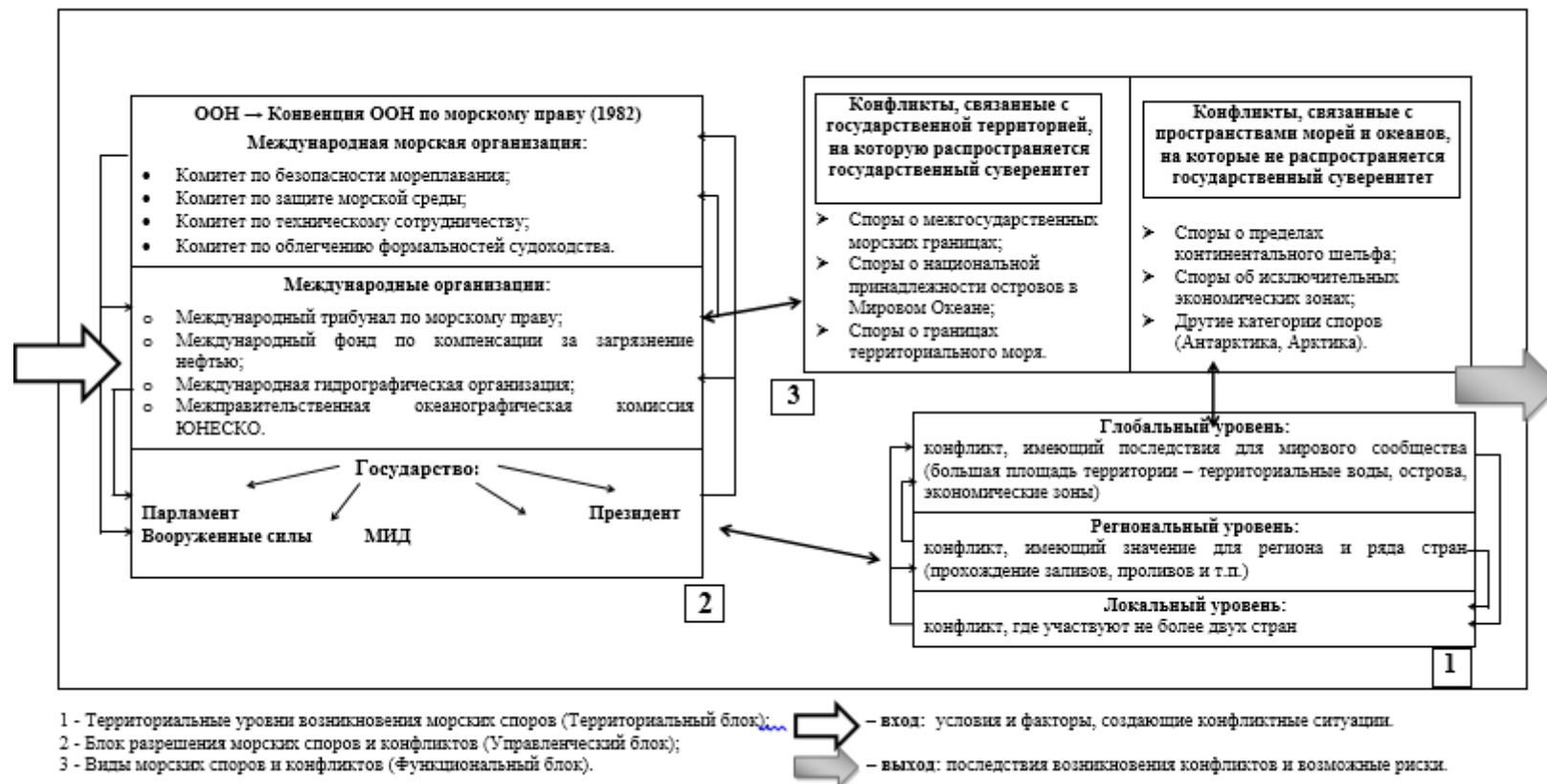
Территориальный блок показывает иерархию современных конфликтов на трех уровнях: локальном, региональном и глобальном.

Морской конфликт на локальном уровне – конфликт, который в ходе своего возникновения, развития и разрешения охватывает не более двух государств. Он может характеризоваться как кратковременным вооруженным противоборством конфликтующих государств (например, конфликт за Фолклендские острова между Аргентиной и Великобританией в 1982 году), так и находиться в плоскости юридического противостояния в вопросах, связанных с определением морских границ или зон рыболовства (например, конфликт Австралии с Японией за добычу тунца в районе северной части Австралии).

Морской конфликт на региональном уровне – конфликт, который имеет значение для региона или для ряда стран в нем. Он может охватывать и океан в целом, но в большинстве случаев ему присущ региональный характер в данном океане. К таким спорам относятся прохождение судов в заливах, проливах и борьба за контроль над ними. Примером может служить спор между Гондурасом, Сальвадором и Никарагуа, связанный с заливом Фонсека, о прохождении морских границ и принадлежности островов в нем, который рассматривается в Международном суде.

Морской конфликт на глобальном уровне – конфликт, который имеет последствия для мирового сообщества. Для него характерна большая площадь территории, а спорные вопросы в большинстве случаев связаны с территориальными водами, принадлежностью островов и экономических зон. К таким спорам можно отнести конфликт вокруг Парасельских островов и острова Спратли в Южно-Китайском море, для которого характерно участие большого количества стран, имеющих национальные интересы в регионе. К глобальному конфликту стоит также отнести вопрос, связанный с определением границ шельфа в Северном Ледовитом океане.

При этом следует уточнить, что статус конфликта может меняться. Например, конфликт между Аргентиной и Великобританией сначала считался глобальным из-за вооруженных столкновений, но с течением времени он стал локальным, а статус-кво решается в Международных судах. Так же и потенциально локальный конфликт может превратиться в региональный или глобальный, как и наоборот.

Рис. 1. Интегральная модель процесса возникновения и разрешения морских споров и конфликтов в Мировом океане

Блок разрешения морских споров и конфликтов (Управленческий блок)

Управленческий блок представлен трехуровневой структурой, каждый элемент которой имеет вес как на локальном, так и на глобальном уровне.

Важнейший вклад в развитие международного морского права и взаимоотношений государств в области использования и освоения Мирового океана вносит ООН и разработанная под ее началом Конвенция по морскому праву (1982). Крупнейшим контролирующим органом, связанным с международным торговым судоходством, следует считать *Международную морскую организацию (ИМО)*. Основными целями организации являются способствование сотрудничеству между правительствами и проведению мероприятий, цель которых – регулирование вопросов технического характера, содействие в устранении дискриминационных мер и ограничений, касающихся международного торгового судоходства. Организация занимается разработкой проектов конвенций по таким вопросам, как охрана человеческой жизни на море, предотвращение загрязнения моря с судов, безопасность рыболовных судов и многим другим [4].

В состав данной организации входят 170 стран, которые собираются раз в два года в штаб-квартире в Лондоне. Регламентируется работа Ассамблеей (высший орган ИМО), главной задачей которой является принятие программы и распределение бюджетных ассигнований. Исполнительным органом является избираемый Совет в составе 40 членов, главной задачей которого является координация органов ИМО и деятельность 4 комитетов:

а) *комитет по безопасности мореплавания* – главной целью данного комитета является установление минимальных стандартов, отвечающих требованиям по безопасности при постройке, оборудовании и эксплуатации судов; для этого была создана Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС) [5];

б) *комитет по защите морской среды* – он отвечает за координацию деятельности организации по предотвращению загрязнения морской среды с судов и борьбе с ним. В нем рассматриваются такие вопросы, как снижение уровня выбросов парниковых газов с судов; проблемы переноса вредных водных организмов и патогенов в водяном балласте судов и многим другим вопросам защиты морской среды и атмосферы [6];

в) *комитет по техническому сотрудничеству* – комитет, отвечающий за координацию деятельности ИМО по оказанию технической помощи в морской области, в особенности развивающимся странам. Его задачей является рассмотрение применения проектов технического сотрудничества, в отношении которых ИМО выступает в качестве исполняющего учреждения [5];

г) *комитет по облегчению формальностей судоходства* – комитет, отвечающий за деятельность и функции ИМО, обеспечивающий облегчение международного морского судоходства. Он направлен на сокращение формальностей и упрощение документации, требуемой от судов при приходе или отходе из портов или других терминалов [6].

На второй ступени трехуровневой структуры в управленческом блоке находятся прочие международные морские организации. Например, созданный в 1996 году *Международный Трибунал ООН по морскому праву*, задачей которого

является разрешение споров, связанных с толкованием или применением различных положений конвенции. Большинство вопросов касаются безотлагательного освобождения судов и их экипажей, арестованных в нарушение Конвенции.

К крупнейшим международным организациям, регулирующим рациональное использование вод Мирового океана, стоит отнести *Международный фонд по компенсации за загрязнение нефтью*, созданный в целях обеспечения компенсации жертвам при ущербе от загрязнения нефтью. Фонд устанавливает международный режим ответственности судовладельца груженого нефтью танкера по принципу прямой ответственности и систему обязательного страхования. Важнейшим условием Конвенции о гражданской ответственности за ущерб при загрязнении нефтью является обязательное страхование, которое должен осуществлять собственник, судно которого перевозит свыше 2000 тонн груза сырой нефти наливом [7].

Крупнейшей международной организацией, связанной с гидрографическими особенностями в Мировом океане, является *Международная Гидрографическая Организация*. Целями организации является применение наиболее эффективных методов исследований; развитие наук, связанных с гидрографией и описательной океанографией; координация работы национальных гидрографических организаций; унификация карт и пособий и т. п.

В качестве органа с функциональной автономией в рамках ЮНЕСКО и в противовес ИМО в 1960 году была создана *Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО*. Она является единственной специализированной организацией в области морских наук. Среди современных задач, которые решает организация, – обеспечение здоровья экосистем океана и их устойчивой способности поддерживать потребности человечества; создание и поддержка работы эффективных систем раннего предупреждения о цунами и других опасных явлениях, связанных с океаном; оценка готовности человечества к изменению и колебаниям климата и обеспечению безопасности и т. п.

К организациям, которые регулируют международные конфликты в области политико-географических споров в Мировом океане, следует отнести *Международный суд ООН*. Главные вопросы, решаемые им, связаны со спорами территориального и пограничного характера – разграничение континентального шельфа между Ливией и Тунисом в Средиземном море (1982), делимитация морской границы в заливе Мэн между Канадой и США (1984), делимитация морского района между островами Гренландия и Ян-Майен между Данией и Норвегией (1993) и т. д.

Велико число споров, связанных со свободой рыболовства или с принадлежностью экономических зон, которые содержат или могут содержать энергетические ресурсы (например, нефть и природный газ) и располагаются в спорных морских районах (например, континентальный шельф или территориальное море). Для таких держав данные экономические интересы представляют собой зачастую первоочередное значение. Регулируются споры, связанные и с другими вопросами, такими как свобода открытого моря, свобода международных проливов, права государства флага, право на проход и право на разведку ресурсов и т. п.

На государственном уровне вопросы, касающиеся регулирования отношений в сфере морских споров, членства или выхода из международных морских организаций, в зависимости от формы государственного правления находятся в ведении Президента, Парламента, Правительства и подконтрольных им Министерства иностранных дел (МИД) и Вооруженных сил.

Вопросы, не имеющие политической подоплеки, решаются на уровне законодательных инициатив. В России, например, эти вопросы рассматривает Государственная Дума, в США – нижняя палата Конгресса (Палата представителей). Это вопросы, связанные с экологией, загрязнением вод Мирового океана, регулированием объемов добычи рыбы и т. п. Так, например, в России внедрены и выполняются основные международные конвенции в области торгового мореплавания, такие как Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС), Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ), Международная конвенция о грузовой марке (КГМ), Международные правила предупреждения столкновения судов (МППСС) и другие. И работа по присоединению к документам ИМО постоянно продолжается. Одним из последних подписанных документов следует считать постановление Правительства РФ № 203 «О присоединении Российской Федерации к Протоколу 1997 г. об изменении Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г., измененной Протоколом 1978 г. к ней» [8].

Иначе обстоят дела с вопросами, обусловленными политическими мотивами. Являясь членом Международного суда ООН по морскому праву, Россия, как и другие страны, защищает свои внутренние и международные интересы. Если они не соответствуют национальным интересам, то обжалуются путем апелляции в различные международные инстанции (например, рассматриваются на Генассамблее ООН). На международной арене интересы страны представляет Министерство иностранных дел (МИД). После рассмотрения конкретных двусторонних или многосторонних вопросов либо принимается общее решение, устраивающее все стороны, либо спор перетекает в фазу стагнации на многие годы или десятилетия. Например, спор России с Японией по принадлежности Южных Курил, вопрос, связанный с определением границ шельфа и установления исключительной экономической зоны в Северном Ледовитом океане.

В случае перехода морских споров в острую вооруженную фазу защита суверенитета и границ государства осуществляется под руководством Президента или Премьер-министра подконтрольными им Вооруженными силами. Ярким примером участия вооруженных формирований в морском межгосударственном конфликте следует считать противостояние между Аргентиной и Великобританией за Фолклендские острова в 1982 году, в ходе которого конфликт так и не был решен.

В новейшей истории России для прямой защиты морских рубежей Военно-морские силы РФ не применялись, но они всегда готовы к решению стратегических и оперативных задач на океанических и морских театрах военных действий как на западных, так и на восточных границах.

Виды морских споров и конфликтов (Функциональный блок)

На третьем уровне морские конфликты рассматриваются в конкретной политико-географической плоскости. При этой систематизации следует исходить из самого определения международного морского спора. В мировой истории политико-географические конфликты чаще всего касались таких вопросов, как определение рубежа территориального моря, установление пределов континентального шельфа, размежевание исключительных экономических зон, предоставление и гарантия свободного судоходства в районах, на которые распространяется юрисдикция прибрежного государства, предотвращение загрязнения Мирового океана и т. п.

Особая константа морских споров связана с принадлежностью тех или иных островов. Как показывает практика, регулировать данные конфликты труднее всего, ведь поводом обычно становятся не сами острова, а экономические зоны рядом с ними, богатые различными природными и биологическими ресурсами. Несмотря на то, что существуют успешные примеры разрешения таких конфликтов (например, урегулирование спора между Францией и Мексикой за остров Клиппертон или Саудовской Аравией и Йеменом за Фарасанские острова), в основной массе случаев эти конфликты имеют под собой ярко выраженный политический подтекст и ангажированность. В настоящее время достаточно большое число конфликтов находятся в замороженном или тлеющем состоянии, не имея ни юридического, ни политического разрешения.

Следует выделить два вида международных морских конфликтов.

Во-первых, это конфликты, связанные с размерами государственной территории. К ним относятся споры, связанные с определением морских границ, границ территориального моря, национальной принадлежности островов в Мировом океане.

Во-вторых, это конфликты, связанные с пространствами морей и океанов, на которые не распространяется государственный суверенитет. К ним относятся споры, связанные с определением пределов континентального шельфа, исключительных экономических зон, которые ряд государств объявил зонами исключительного рыболовства, что противоречит Конвенции о морском праве и автоматически изменяет их международно-правовой статус. Здесь же представлены вопросы, связанные с морскими притязаниями в Арктике.

В категорию «другие споры» включены споры, не попадающие в выше перечисленные категории. Например, требование Боливии, не имеющей выхода к морю, суверенного коридора к южной части Тихого океана. Или многосторонние споры, от решения которых зависит и установление морских границ, и определение пределов территориальных вод, и другие правовые последствия (например, до конца не урегулирован спор между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном и Россией о принципах раздела Каспийского моря).

Выводы

Океаническое направление в геополитике – одно из относительно молодых, своеобразных и весьма перспективных направлений. Родоначальниками океанического направления геополитики следует считать А. Мэхена (ввел понятие «принцип анаконды»), Х. Маккиндера (ввел концепцию «Хартленда»),

Д. Спайкмена (ввел концепцию «Хартленд – Римленд»), чьи труды считаются классическими. В настоящее время в числе работ современных российских геополитиков, касающихся методологии исследования морских конфликтов и способов их разрешения, следует выделить публикации С. Б. Слевича, Е. М. Примакова, Д. Ю. Алексеева, П. Ю. Самойленко, Д. М. Фельдмана и других.

Морские конфликты можно рассматривать в рамках трех взаимосвязанных блоков.

1. Территориальный. В нем следует выделить три уровня: локальный, региональный и глобальный. На локальном уровне конфликты характеризуются участием не более двух стран. На региональном рассматриваются конфликты, имеющие значение для региона и ряда стран. На глобальном характеризуются конфликты, имеющие последствия для мирового сообщества.

2. Управленческий. Существует множество организаций, регулирующих правовой режим морских споров. К таким организациям следует отнести Международную морскую организацию (ИМО) и ее подкомитеты, Международный морской комитет, Международный Трибунал ООН по морскому праву, Международный суд ООН и т. п. Основой данных организаций является Конвенция ООН по морскому праву от 1982 года. На государственном уровне на решение вопросов, связанных с морскими конфликтами, в той или иной мере влияют четыре иерархические единицы – Президент, Парламент, Правительство и подконтрольные им Министерство иностранных дел (МИД) и Вооруженные силы.

3. Функциональный. Можно выделить два вида международных морских конфликтов. Во-первых, это конфликты, связанные с размерами государственной территории. К ним относятся споры, связанные с определением морских границ, границ территориального моря, национальной принадлежности островов в Мировом океане. Во-вторых, это конфликты, связанные с пространствами морей и океанов, на которые не распространяется государственный суверенитет. К ним относятся споры, связанные с определением пределов континентального шельфа, исключительных экономических зон. Здесь же рассматриваются вопросы, связанные с морскими притязаниями в Арктике.

Литература

1. Васина А. Н. Геополитические проблемы в Северо-Западной части Тихого океана: теоретические и прикладные аспекты: дисс. ... канд. полит. наук. Владивосток: СО РАН, 2006. 260 с.
2. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки (географическая теория прогресса и социального развития) // Среднерусский вестник общественных наук, 2008. №2. С. 122–124.
3. Павленко А. П. Морская политика как ключевой фактор международных отношений эпохи «Нового маринизма» // Территория новых возможностей, 2010. № 2 (6). С. 42–51.
4. Колосов Ю. М., Кузнецов В. И. Международное право. Учебник. – М.: Международные отношения, 1996. 608 с.
5. Тимченко Л. Д. Международное право: учебник для студентов вузов. – Харьков: Консум, 1999. 528 с.

6. Ковалев А. А. Современное международное морское право и практика его применения. – М.: Научная книга, 2003. 416 с.
7. Органы, учрежденные в рамках Конвенции ООН по морскому праву Международный фонд для компенсации при загрязнении нефтью, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/law/lawsea/bodies.shtml> (дата обращения: 22.04. 2017).
8. Васильев В. Я. Расширение деятельности России в рамках международной морской организации// Транспорт Российской Федерации, 2011. №4 (25). С. 42–46.

L. A. Ozhegova¹
Y. M. Kovalyuk²

***Theoretical and methodological basic of
political-geographical study of international
disputes in the World ocean***

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy,
Simferopol, Russian Federation
E-mail: ¹luda-ojegova@yandex.ru, ²uchihafromthekill@mail.ru

Abstract. *The development of the political-geographical approach in the study of the World Ocean is analyzed. The degree of political and geographical study of the World Ocean is revealed. A three-level model of the process of origin and resolution of marine disputes and conflicts in the World Ocean is presented. Territorial levels of occurrence of sea disputes and conflicts as well as participating organizations in the resolution of sea disputes and conflicts are characterized. Characteristics of the main types of marine disputes and conflicts are given.*

Keywords: *geopolitics, political geography, World Ocean, International Maritime Organization (IMO).*

References

1. Vasina A.N. Geopoliticheskie problemy v severo-zapadnoj chasti Tihogo okeana: teoreticheskie i prikladnye aspekty (Geopolitical problems in the Northwest part of the Pacific Ocean: theoretical and application-oriented aspects): PhD thesis. Vladivostok: SB RAN (Publ.), 2006, 260 p. (in Russ.)
2. Mechnikov L.I. Civilizaciya i velikie istoricheskie reki (geograficheskaya teoriya progressa i socialnogo razvitiya) (Civilization and Great Historical Rivers (Geographical Theory of Progress and Social Development)). Srednerusskij vestnik obshhestvennyx nauk, 2008, no 2. pp. 122-124. (in Russ.)
3. Pavlenko A.P. Morskaya politika kak klyuchevoj faktor mezhdunarodnyx otnoshenij epohi «novogo marinizma» (Sea policy as key factor of the international relations of an era of "A new marinizm"). Territoriya novykh vozmozhnostej, 2010, no 2(6). pp. 42-51 (in Russ.)
4. Kolosov Yu. M., Kuznecov V.I. Mezhdunarodnoe pravo. Uchebnik (International law. Textbook). Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya (Publ), 1996, 608 p. (in Russ.)

5. Timchenko L.D. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlya studentov vuzov (International law: the textbook for students of higher education institutions). Kharkov: Konsum (Publ), 1999, 528 p.(in Russ).
6. Kovalyov A.A. Sovremennoe mezhdunarodnoe morskoe pravo i praktika ego primeneniya (The modern international marine law and practice of its application). Moskva: Nauchnaya kniga (Publ), 2003, 416 p.(in Russ).
7. Organy, uchrezhdennye v ramkax konvencii OON po morskomu pravu (Organs founded within the Convention of the United Nation on marine law the International fund for compensating in case of pollution by oil), 2010[Electronic resource]. URL: <http://www.un.org/ru/law/lawsea/bodies.shtml> (reference date: 22.04.2017).
8. Vasilyev V.Ya. Rasshirenie deyatel'nosti Rossii v ramkax mezhdunarodnoj morskoy organizacii (Extension of activities of Russia within the international sea organization). Transport of the Russian Federation, 2011, no 4 (25). pp. 42-46 (in Russ).

Поступила в редакцию 07.10.2017 г.

РАЗДЕЛ II

**ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ
ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ**

УДК 911.5

Е. А. Позаченюк¹
В. А. Табунщик²

Плотность ландшафтных границ на территории Крымского полуострова¹

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
e-mail: pozachenyuk@gmail.com

²Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
e-mail: tabunshchik@ya.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу плотности ландшафтных границ на территории Крымского полуострова (по ландшафтно-типологической карте Г. Е. Гришанкова). В статье приводится методика построения карты плотности ландшафтных границ на основании сетки квадратов и анализируется плотность ландшафтных границ в пределах Крымского полуострова и по ландшафтным уровням.*

Ключевые слова: *Крым, Крымский полуостров, ландшафт, ландшафтный уровень, плотность, плотность ландшафтных границ, карта, ландшафтная карта.*

Введение

Понятие плотности имеет общенаучное значение. Так, в физике под плотностью понимается «отношение массы тела к его объему» [1, с. 844]. В ряде других дисциплин под плотностью можно понимать «отношение количества чего-либо к определенной единице пространства» [2, с. 144] (например, плотность артиллерийского огня, плотность населения, плотность ткани, плотность воздуха, плотность застройки и пр.). Исходя из этого, в ландшафтоведении плотность ландшафтных границ – это отношение общей длины ландшафтных границ к площади ландшафта или же длина ландшафтных границ на единицу площади [3]. Плотность ландшафтных границ иллюстрирует ландшафтное разнообразие территории, в данном случае Крымского полуострова.

---

¹Настоящая работа выполнена при поддержке Программы развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» на 2015–2024 годы в рамках реализации академической мобильности по проекту ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» «Сеть академической мобильности “ГИС-Ландшафт – Технологии и методики формирования геопорталов современных ландшафтов регионов”» в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук» (г. Владивосток) в 2016 году и в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (г. Челябинск) в 2017 году.

Материалы и методы

На территории Крымского полуострова детальные ландшафтные исследования ведутся с XX века. Среди наиболее значимых работ по изучению ландшафтов Крымского полуострова можно отметить работы Н. Н. Дзенс-Литовской [4], Н. Н. Павловой [5], З. Ф. Крюковой [6], В. И. Териховой [7], В. Г. Ены [8; 9; 10], Г. Е. Гришанкова [11; 12; 13], П. Д. Подгородецкого [14; 15; 16; 17], А. Г. Панина [18; 19], В. А. Бокова [20; 21; 22; 23], Е. А. Позаченюк [24; 25; 26; 27], В. А. Михайлова [28; 29], Р. В. Горбунова [30], В. А. Табунщика [31] и др.

Цель исследования – рассчитать плотность ландшафтных границ Крымского полуострова (согласно ландшафтно-типологической карте Г. Е. Гришанкова).

Для достижения цели были использованы как традиционные методы научных исследований, так и новейшие методы. К традиционным методам относятся: описательный метод, картографический метод, сравнительно-географический метод, сравнительно-исторический метод, количественные методы (картометрия, статистическая обработка и др.). К новейшим методам относятся: математические методы, аэрокосмические методы, геоинформационные методы, методы моделирования (основой для выполнения работ выступают геоинформационные программные комплексы).

Методика исследования состоит в следующих шагах:

1. для расчета плотности ландшафтных границ использовалась ландшафтно-типологическая карта Крымского полуострова, составленная Г. Е. Гришанковым, которая была оцифрована и переведена в векторный формат в программном комплексе ArcGIS 10;

2. территория Крымского полуострова была разбита на ряд векторных полигонов в форме квадратов размерности 10x10 км (площадь квадрата 100 кв. км). В дальнейшем плотность ландшафтных границ определялась по сетке квадратов 10x10 км;

3. с помощью инструмента «Слияние» («Dissolve») границы групп местностей на ландшафтно-типологической карте Крыма объединяются в один векторный линейный объект;

4. с использованием инструмента «Пересечение» («Intersect») для каждого квадрата заданной размерности определялись векторные линейные объекты (границы), входящие в этот квадрат (для этого используются единый векторный файл с границами, полученный в пункте 3 данной методики и сетка квадратов, полученная в пункте 2 данной методики);

5. в таблице атрибутов с помощью опции «Добавить поле» был добавлен новый столбец, с помощью команды контекстного меню «Вычислить геометрию» в пределах каждого квадрата рассчитывается длина ландшафтных границ, приходящихся на данный квадрат;

6. с помощью инструмента «Пространственное соединение» строится векторная сетка квадратов со значением длины ландшафтных границ для каждого квадрата (для этого используются сетка квадратов, полученная в пункте 2 данной методики и линейные векторные объекты с ландшафтными границами, полученные в пункте 4 данной методики);

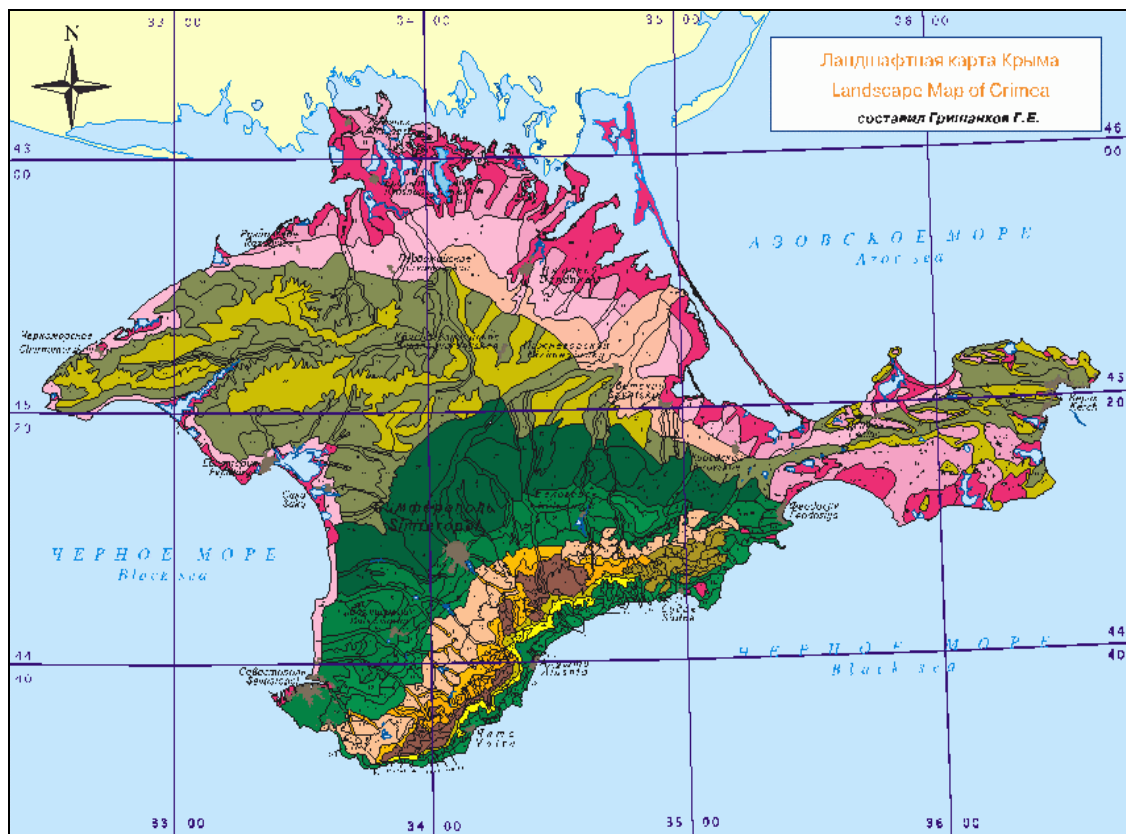
7. с помощью инструмента «Объект в точку» в точки, отражающие центры квадратов, извлекаются значения длин ландшафтных границ, приходящихся на заданный квадрат;

8. с применением инструмента «Крикинг» строится карта плотности ландшафтных границ;

9. с использованием инструмента «Алгебра карт» для квадратов размерности 10x10 км, где площадь квадрата соответственно 100 кв. км, полученные значения на карте делятся на 100 и строится карта плотности ландшафтных границ, отражающая значение ландшафтных границ в пределах 1 кв. км.

Результаты и обсуждение

В данной работе основой для исследования послужила ландшафтно-типологическая карта Крымского полуострова (рис. 1), составленная Г. Е. Гришанковым. Подробная характеристика ландшафтной структуры Крымского полуострова представлена в работе [32].

Рис. 1. Ландшафтно-типологическая карта Крымского полуострова, составленная Г. Е. Гришанковым по [32].

Согласно представлениям Г. Е. Гришанкова, ландшафтная структура Крымского полуострова состоит из ландшафтных уровней, поясов, зон и местностей.

По [32, с. 164], ландшафтные уровни – это «планетарные геоморфологические образования, относительно однородные по характеру рельефа и грунтового увлажнения, но отличающиеся своеобразием проявления географической зональности». На территории Крымского полуострова представлены фрагменты гидроморфного, плакорного, низкогорного и среднегорного ландшафтных уровней.

В пределах каждого уровня зоны дифференцируются по определенной совокупности факторов. На гидроморфном уровне внутризональная дифференциация связана, в первую очередь, с изменением уровня грунтовых вод, на плакорном – с наличием высотных ступеней, на низкогорном и среднегорном – с высотой над уровнем моря и позицией по отношению к радиационным и циркуляционным потокам.

В целом для территории Крымского полуострова показатель плотности ландшафтных границ может быть рассчитан по формуле (1):

$$DB = \frac{L}{S}, (1)$$

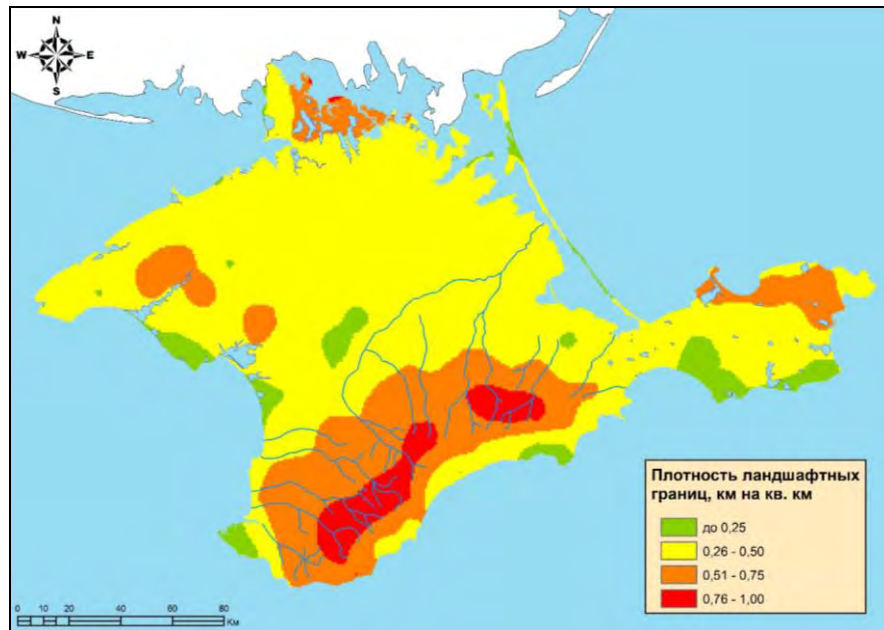
где L – общая длина ландшафтных границ, S – площадь ландшафта [3].

В программном комплексе ArcGIS для Крымского полуострова были рассчитаны длина всех ландшафтных границ и площадь. Эти показатели составили 13564,04 км и 25668,71 кв. км. Соответственно, плотность ландшафтных границ составила 0,5 км на кв. км.

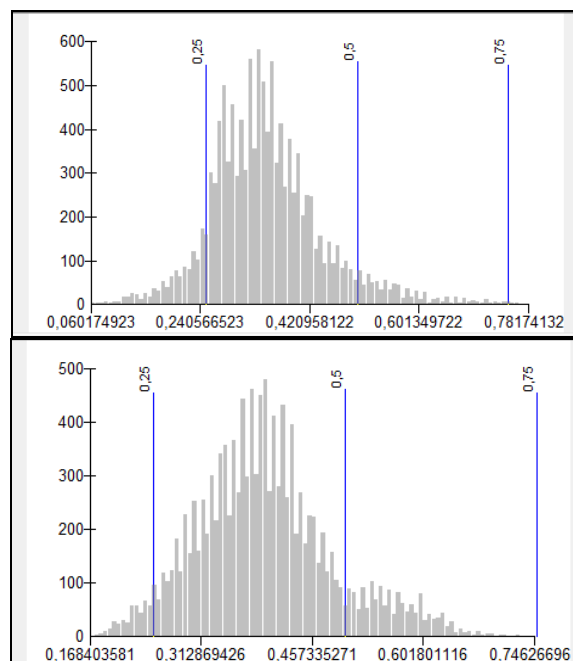
Ранее Табунщиком В. А. был рассчитан такой же показатель для территории Джанкойского района (включая г. Джанкой) Республики Крым, и он составил 0,75 км на кв. км (в пределах гидроморфного уровня – 0,72 км на кв. км, в пределах плакорного уровня – 1,25 км на кв. км) [33].

Согласно методике, которая была описана выше, на основе сетки квадратов 10х10 км построена карта плотности ландшафтных границ ландшафтов Крымского полуострова. Территория Крымского полуострова была разбита на 335 квадратов размером 10х10 км, из которых ландшафтные границы пересекают все 335 квадратов. Плотность ландшафтных границ колеблется в пределах от 0,06 до 0,94 км на кв. км (рис. 2). Средняя плотность ландшафтных границ составляет 0,20 км на кв. км. Среднее квадратичное отклонение 0,23. Полученная карта является одним из вариантов карт полей плотности и отражает распределение плотности ландшафтных границ в формате непрерывного векторного поля. Это свидетельствует, что полученные результаты более достовернее и репрезентативнее, чем рассчитанные по формуле (1).

Как можно видеть из рисунка 2, распределение плотности ландшафтных границ по территории Крымского полуострова неоднородно. Рассмотрим более детально показатели плотности ландшафтных границ по ландшафтным уровням. Гистограммы распределения значений плотности ландшафтных границ по ландшафтным уровням представлены на рисунках 3, 4.

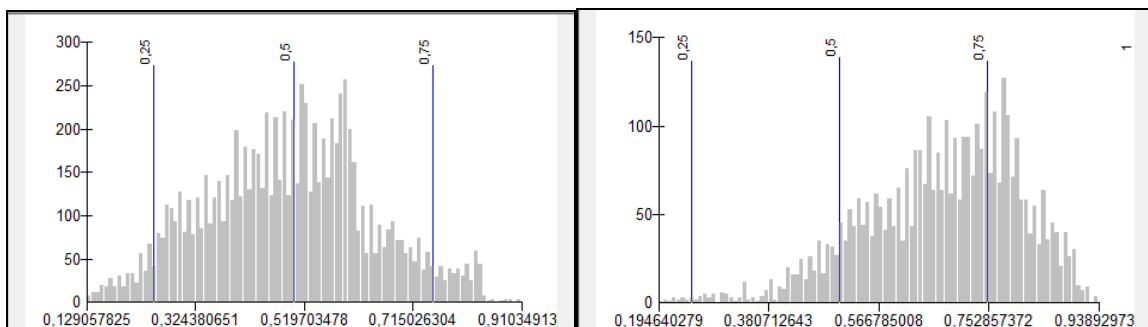

Рис. 2. Плотность ландшафтных границ для ландшафтов Крымского полуострова, построенная на основе сетки квадратов 10x10 км.

Рис. 3. Гистограммы распределения плотности ландшафтных границ в пределах гидроморфного (слева) и плакорного (справа) ландшафтных уровней.

Рис. 4. Гистограммы распределения плотности ландшафтных границ в пределах низкогорного (слева) и среднегорного (справа) ландшафтных уровней.

На основании рисунков 2, 3, 4, по ландшафтным уровням показатели плотности ландшафтных границ представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Плотность ландшафтных границ (рассчитанная по сетке квадратов 10x10 км) в пределах ландшафтных уровней Крымского полуострова

Ландшафтный уровень	Плотность ландшафтных границ, км на кв. км	Среднее значение плотности ландшафтных границ, км на кв. км	Максимальное значение плотности ландшафтных границ, км на кв. км	Минимальное значение плотности ландшафтных границ, км на кв. км	Среднее квадратичное отклонение
Гидроморфный	0,06...0,78	0,35	0,78	0,06	0,10
Плакорный	0,20...0,75	0,40	0,75	0,20	0,10
Низкогорный	0,13...0,91	0,49	0,91	0,13	0,15
Среднегорный	0,19...0,94	0,68	0,94	0,19	0,13

Минимальные значения плотности ландшафтных границ наблюдаются в пределах гидроморфного ландшафтного уровня, а максимальные – в пределах среднегорного. Средняя плотность ландшафтных границ колеблется от 0,35 км на кв. км в пределах гидроморфного ландшафтного уровня до 0,68 км на кв. км в пределах среднегорного ландшафтного уровня. Средняя плотность ландшафтных границ в пределах плакорного и низкогорного ландшафтных уровней составляет соответственно 0,40 и 0,49 км на кв. км.

Выводы

В ходе построения карты поля плотности ландшафтных границ Крымского полуострова на основании сетки квадратов размером 10x10 км и ее анализа было установлено, что плотность ландшафтных границ колеблется от 0 до 1 км на кв. км, а ее среднее значение составляет 0,20 км на кв. км. На территории Крымского полуострова плотность ландшафтных границ имеет неоднородное распределение. Минимального значения она достигает в пределах гидроморфного ландшафтного уровня (0,06 км на кв. км), а максимального – в пределах среднегорного (0,94 км на кв. км.). Средняя плотность ландшафтных границ в пределах гидроморфного уровня составляет 0,35 км на кв. км, плакорного – 0,40 км на кв. км, низкогорного – 0,49 км на кв. км, среднегорного – 0,68 км на кв. км.

Плотность ландшафтных границ отражает разнообразие восстановленных ландшафтов Крыма. Результаты исследования могут быть положены в основу выделения особо охраняемых природных объектов и организации экологической сети исследуемой территории, а также ландшафтного планирования территории Крыма.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и г. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.:Норинт, 2000. 1536 с.
2. Словарь русского языка: в 4-х томах. Том 3. П – Р / Под. ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. 752 с.
3. Гродзинський М. Д. Ландшафтна екологія. – Київ: Знання, 2014. – 550 с.
4. Дзене-Литовская Н. Н. Природные географические ландшафты степного Крыма // Вестник Ленинградского университета, 1951. № 2. С. 28–47.
5. Павлова Н. Н. Схема ландшафтного районирования степного Крыма // Вестник Ленинградского университета. Серия геологии и географии, 1960. Выпуск 1. № 6. С. 200.
6. Крюкова З. Ф. Схема ландшафтного районирования Горного Крыма // Вестник Ленинградского университета. Серия геологии и географии, 1960. Выпуск 1. № 6. С. 106–113.
7. Терехова В. И. Крымское предгорье (общая характеристика природы) // Известия Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, 1959. Том XXXIV. С. 47–63.
8. Ена В. Г. Итоги и перспективы ландшафтно-географических исследований в Крыму // Природные условия и естественные ресурсы Крыма, пути их рационального использования. – Симферополь: Крым, 1969. С. 52–54.
9. Ена В. Г. Физико-географическое районирование Крымского полуострова // Вестник Московского университета. Серия 5. География, 1960. № 2. С. 33–43.
10. Ена В. Г., Ена Ал. В., Ена Ан. В. Заповедные ландшафты Тавриды. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. 428 с.
11. Гришанков Г. Е. Природа и ландшафты Восточных Яйл Крыма: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – Воронеж: [б. и.], 1958. 12 с.

12. Гришанков Г. Е. Опыт выделения типологических ландшафтных единиц в горном Крыму // Научные доклады высшей школы. Геолого-географические науки, 1958. № 2. С. 206–209.
13. Гришанков Г. Е. Ландшафтные уровни материков и географическая зональность // Известия академии наук СССР. Серия географическая, 1972. № 4. С. 3–18.
14. Подгородецкий П. Д. Историческая физическая география. – Симферополь: Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2015. 214 с.
15. Подгородецкий П. Д. Крым: Природа. – Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.
16. Подгородецкий П. Д. Физико-географические районы и типы местности Тарханкутского поднятия // Известия Крымского отдела Географического Общества Союза ССР, 1961. Выпуск 7. С. 39–43.
17. Подгородецкий П. Д. Особенности природных условий и физико-географическое районирование Тарханкутской возвышенной равнины: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – К.: АН УССР, 1962. 28 с.
18. Панин А. Г. Взаимодействие высотно-ярусных и экспозиционно-секторных элементов топографической поверхности как основа организации геосистем на примере Западного Крымского Предгорья // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. География, 2013. Т. 26 (65). № 2. С. 59–67.
19. Панин А. Г. Обоснование ландшафтного районирования Западного Крымского Предгорья // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «География», 2008. Т. 21 (60). № 3. С. 248–255.
20. Боков В. А. Статистическая природа ландшафтных систем // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «География», 2014. Том 27 (66). № 1. С. 3–10.
21. Боков В. А. Роль местоположений в формировании ландшафтно-геофизической дифференциации на локальном уровне // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «География», 2014. Том 27 (66). № 2. С. 16–26.
22. Боков В.А. Реальны ли ландшафты? // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «География», 2012. Том 25 (64). № 2. С. 3–8.
23. Боков В. А. Пространственно-временная организация геосистем. – Симферополь: СГУ, 1983. – 55 с.
24. Позаченюк Е. А. Географическая позиция и ее роль в формировании региональных геокомплексов Крыма: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – К.: Отделение Географии Института Геофизики им. С. Н. Субботина АН УССР, 1986. – 18 с.
25. Позаченюк Е. А., Табунщик В. А. Построение ниш ландшафтов Крымского Присивашья (в пределах Джанкойского района АР Крым) // Геополитика и экогеодинамика регионов, 2014. Том 10. Выпуск 1. С. 322–328.
26. Позаченюк Е. А. Ландшафтное разнообразие Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология, 2015. Том 1 (67). № 4. С. 37–50.

27. Позаченюк Е. А. Общие представления о национальном ландшафте региона // Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. Том. 7. Таврическая академия. – Симферополь: Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2016. С. 36–38.
28. Михайлов В. А. Пространственная организация ландшафтов и ее оценка (на примере Крымского Присивашья) // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «География», 2011. Том 24 (63). № 2, часть 3. С. 296–301.
29. Михайлов В. А. Картографическая модель зональных ландшафтов Крымского полуострова // Экосистемы, 2010. № 2 (21). С. 164–168.
30. Горбунов Р. В. Собственная диссимметрия склоновых локальных ландшафтных комплексов // Экосистемы, 2011. № 4. С. 157–173.
31. Табунщик В.А. Выделение и анализ ниш ландшафтов Крымского Присивашья // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2015. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
32. Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий / Научный редактор Е. А. Позаченюк. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 672 с.
33. Табунщик В. А. Расчет простейших количественных показателей ландшафтного разнообразия Джанкойского района (включая г. Джанкой) Республики Крым // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2017. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

УДК 911.5

Е. А. Pozachenyuk¹
V. A. Tabunshchik²

The density of landscape boundaries on the territory of the Crimean Peninsula

---

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation

e-mail: pozachenyuk@gmail.com

² V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Simferopol, Russian Federation

e-mail: tabunshchik@ya.ru

Abstract. *In this article the density landscape borders on the territory of the Crimean Peninsula are analyzed. In the article authors present a method of constructing density maps for landscape borders, on the basis of grid squares, and analyze the density landscape boundaries within the Crimean Peninsula and landscape levels.*

Keywords: *Crimea, Crimean Peninsula, landscape, landscape level, density, density of landscape borders, map, landscape map.*

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / sost. i g. red. S.A. Kuznecov. SPb.:Norint, 2000. 1536 s.
2. Slovar' russkogoyazyka: v 4-h tomah. Tom 3. P – R / Pod. red. A.P. Evgen'evoj. M.: Rus. yaz.,Poligrafresursy, 1999. 752 s.
3. Grodzins'kij M. D. Landshaftna ekologiya. Kiïv: Znannya, 2014. 550 s.
4. Dzents-Litovskaya N. N. Prirodnye geograficheskie landshafty stepnogo Kryma. Vestnik Leningradskogo universiteta. 1951. № 2. S. 28-47.
5. Pavlova N. N. Skhema landshaftnogo rajonirovaniya stepnogo Kryma // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya geologii i geografii. 1960. Vypusk 1. № 6. S. 200.
6. Kryukova Z.F. Skhema landshaftnogo rajonirovaniya Gornogo Kryma // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya geologii i geografii. 1960. Vypusk 1. № 6. S. 106-113.
7. Terekhova V. I. Krymskoe predgor'e (obshchaya charakteristika prirody) // Izvestiya Krymskogo pedagogicheskogo institute im. M.V. Frunze. 1959. Tom XXXIV. S. 47-63.
8. Ena V.G. Itogi i perspektivy landshaftno-geograficheskikh issledovanij v Krymu // Prirodnye usloviya i estestvennye resursy Kryma, puti ih racional'nogo ispol'zovaniya. Simferopol': Krym, 1969. S. 52-54.
9. Ena V.G. Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Krymskogo poluostrova. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. 1960. № 2. S. 33-43.
10. Ena V.G., Ena Al. V., Ena An. V. Zapovednye landshafty Tavridy. Simferopol': Biznes-Inform, 2013. 428 s.
11. Grishankov G. E. Priroda i landshafty Vostochnyh YAjl Kryma: Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata geograficheskikh nauk. Voronezh: [b. i.], 1958. 12 s.
12. Grishankov G. E. Opyt vydeleniy atipologicheskikh landshaftnyh edinic v gornom Krymu. Nauchnye doklady vysshej shkoly. Geologo-geograficheskie nauki. 1958. № 2. S. 206-209.
13. Grishankov G.E. Landshaftnye urovni materikov i geograficheskaya zonal'nost' // Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya. 1972. №4. S. 3-18.
14. Podgorodeckij P. D. Istoricheskaya fizicheskaya geografiya. Simferopol': Krymskij federal'ny juniversitet imeni V.I. Vernadskogo, 2015. 214 s.
15. Podgorodeckij P. D. Krym: Priroda. Simferopol': Tavriya, 1988. 192 s.
16. Podgorodeckij P. D. Fiziko-geograficheskie rajonyitipy mestnosti Tarhankutskogo podnyatiya // Izvestiya Krymskogo otdela Geograficheskogo Obshchestva Soyuzha SSR. 1961. Vypusk 7. S. 39-43
17. Podgorodeckij P.D. Osobennosti prirodnyh uslovij i fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Tarhankutskoj vozvyshennoj ravniny. Avtoreferat dissertacii nasoiskanie uchenoj stepeni kandidata geograficheskikh nauk. K.: AN USSR, 1962. 28 s.
18. Panin A. G. Vzaimodejstvie vysotno-yarusnyh i ehkspozicionno-sekturnyh ehlementov topograficheskoy poverhnosti kak osnova organizacii geosistem na primere Zapadnogo Krymskogo Predgor'ya // Uchenye zapiski Tavricheskogo

- nacional'nogo universitetaim. V.I. Vernadskogo. Geografiya. 2013. T. 26(65). №2. S. 59-67.
19. Panin A. G. Obosnovanie landshaftnogo rajonirovaniya Zapadnogo Krymskogo Predgor'ya // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universitetaim. V.I. Vernadskogo. Geografiya. 2008. T. 21(60). №3. S. 248-255.
  20. Bokov V.A. Statisticheskaya priroda landshaftnyh sistem // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Geografiya». 2014. Tom 27 (66). № 1. S. 3-10.
  21. Bokov V.A. Rol' mestopolozhenij v formirovanii landshaftno-geofizicheskoy differenciacii nalokal'nom urovne // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Geografiya». 2014. Tom 27 (66). № 2. S. 16-26.
  22. Bokov V.A. Real'ny li landshafty? // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universitetaim. V.I. Vernadskogo. Seriya «Geografiya». 2012. Tom 25 (64). № 2. S. 3-8.
  23. Bokov V.A. Prostranstvenno-vremennaya organizaciya geosistem. Simferopol': SGU, 1983. 55 s.
  24. Pozachenyuk E.A. Geograficheskaya poziciya i ee rol' v formirovanii regional'nyh geokompleksov Kryma. Avtoreferat dissertacii nasoiskanie uchenoj stepeni kandidata geograficheskikh nauk. K.: Otdelenie Geografii Instituta Geofizikiim. S.N. Subbotina AN USSR, 1986. 18 s.
  25. Pozachenyuk E. A., Tabunshchik V. A. Postroenie nish landshaftov Krymskogo Prisivash'ya (v predelah Dzhankojskogo rajona AR Krym) // Geopolitika i ehkogeodinamika regionov. 2014. Tom 10. Vypusk 1. S. 322-328.
  26. Pozachenyuk E.A. Landshaftnoe raznoobrazie Kryma // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. 2015. Tom 1 (67). №4. S. 37–50.
  27. Pozachenyuk E.A. Obshchie predstavleniya o nacional'nom landshafte regiona // Dni nauki KFU im. V.I. Vernadskogo Sbornik tezisov uchastnikov II nauchnoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, studentov i molodyh uchenyh. Tom. 7. Tavricheskaya akademiya. Simferopol': Krymskij federal'nyj universitetimeni V.I. Vernadskogo, 2016. S. 36-38.
  28. Mihajlov V.A. Prostranstvennaya organizaciya landshaftov i ee ocenka (na primere Krymskog oPrisivash'ya) // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Geografiya». 2011. Tom 24 (63). № 2. CHast' 3. S. 296-301.
  29. Mihajlov V.A. Kartograficheskaya model' zonal'nyh landshaftov Krymskogo poluostrova // EHkosistemy. 2010. № 2 (21). S. 164-168.
  30. Gorbunov R.V. Sobstvennaya dissimetriya sklonovyh lokal'nyh landshaftnyh kompleksov // EHkosistemy. 2011. № 4. S. 157-173.
  31. Tabunshchik V.A. Vydelenie i analiz nish landshaftov KrymskogoPrisivash'ya // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2015» / Otv. red. A.I. Andreev, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. [EHlektronnyjresurs]. M.: MAKS Press, 2015. 1ehlektron. opt. disk (DVD-ROM); 12 sm. Sistem. trebovaniya: PK s processorom 486+; Windows 95; diskovod DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

32. Sovremennye landshafty Kryma i sopredel'nyh akvatorij // Nauchnyj redaktor E.A. Pozachenyuk. Simferopol': Biznes-Inform, 2009. 672 s.
33. Tabunshchik V.A. Raschet prostejshih kolichestvennyh pokazatelej landshaftnogo raznoobraziya Dzhankojskogo rajona (vklyuchaya g. Dzhankoj) Respubliki Krym // Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno goforuma «LOMONOSOV-2017» / Otv. red. A.I. Andreev, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. [Elektronnyj resurs]. M.: MAKS Press, 2017. 1elektron. opt. disk (DVD-ROM); 12 sm. Sistem. trebovaniya: PK s processorom 486+; Windows 95; diskovod DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.

Поступила в редакцию 14.11.2017 г.

УДК 338.48

М. С. Оборин¹

М. Ю. Шерешева²

Л. А. Валитова³

***Анализ курортно-рекреационных ресурсов
региона на основе ГИС-технологий****

¹Пермский институт (филиала) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»;
ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
e-mail: recreachin@rambler.ru

²ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
e-mail: m.sheresheva@gmail.com

³ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
e-mail: lvalit@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена анализу факторов, влияющих на туристическую привлекательность регионов, обладающих курортно-рекреационным потенциалом. Рассмотрена взаимосвязь показателей, характеризующих курортно-рекреационные ресурсы региона, с оценкой числа туристов, ежегодно фиксируемых отчетностью в местах коллективного размещения (гостиницах, санаторно-курортных организациях, в частном секторе и т. д.). Выделены факторы, влияющие на посещаемость региона туристами. Предложена типология российских регионов с точки зрения их привлекательности и наличия туристических, в том числе курортно-рекреационных ресурсов.

Ключевые слова: курортно-рекреационная система, туристическая привлекательность региона, курортно-рекреационные ресурсы.

Введение

В современных условиях все большее значение приобретают вопросы устойчивого развития, под которым в современной науке и практике понимают повышение качества жизни, включая экологическую, социальную, экономическую, культурную, политическую, институциональную компоненты, без нанесения ущерба качеству жизни будущих поколений [11; 13; 16]. Устойчивость развития определяется ресурсным потенциалом и эффективностью его использования, что напрямую зависит от характера и последовательности реализации политики муниципальных, региональных и национальных (федеральных) властей [1].

Для решения задач устойчивого развития необходимо обладать адекватной

* Статья выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 17-18-01324 «Устойчивое развитие экономики территорий на основе сетевого взаимодействия малых городов и районных центров».

информацией о сложных и взаимосвязанных аспектах деятельности, осуществляемой в рамках той или иной территории. В этой связи растет интерес к использованию информационных систем, среди которых особое место отводится специализированным геоинформационным системам (ГИС).

В данной статье представлены промежуточные результаты исследования, выполняемого за счет средств гранта Российского научного фонда. Целью данного проекта является выработка методологии формирования сетевого взаимодействия малых городов и районных центров, что должно способствовать более полному использованию их ресурсов и компетенций для достижения совместных целей, способствующих устойчивому развитию как самих городов, так и тех регионов, где они расположены. Для нахождения путей объединения и концентрации ресурсов и компетенций на решении наиболее перспективных задач необходим комплексный анализ информации о текущем социально-экономическом положении и ресурсном потенциале отдельных городов и региона в целом.

Одной из важнейших составляющих ресурсного потенциала многих российских регионов является рекреационный потенциал – совокупность природных, культурно-исторических и социально-экономических предпосылок для организации рекреационной деятельности на определенной территории [6]. Курортно-рекреационные системы в современных экономических условиях решают несколько важных задач: повышение качества жизни населения, социально-экономическое развитие территории за счет привлечения платежеспособного спроса, рост сопутствующих отраслей и ряд других [3; 8]. При этом курортно-рекреационная деятельность связана с развитием объектов туристской инфраструктуры (гостиниц, санаториев, культурно-оздоровительных центров), транспортно-логистической деятельностью, воздействием отдыхающих на экологию и т. д.

Таким образом, анализ курортно-рекреационных ресурсов региона является важной составляющей комплексного анализа ресурсного потенциала, при этом использование ГИС технологий позволяет расширить инструментальные возможности такого анализа.

За рубежом геоинформационные технологии достаточно активно применяются для решения разнообразных задач в целом ряде отраслей, включая индустрию туризма. ГИС-технологии играют все более значимую роль в развитии туристических и социально-культурных проектов, а также в долгосрочном планировании развития туризма в регионе [4; 5].

Особенность геоинформационного подхода к региональному развитию туризма состоит в формировании единой интеллектуальной системы, в которой объединены база геоданных, многомасштабная цифровая карта и спутниковые изображения среднего и высокого разрешения, а также материалы видеонаблюдений, техники и технологии автоматического пространственно-временного анализа и мониторинга, современные геопортальные решения, обеспечивающих публикацию и использование пространственной информации [19]. ГИС дает возможность геометрического, тематического и топологического описания и идентификации разнообразных элементов туристской инфраструктуры, при этом объединяя разные типы данных (например, туристские маршруты и показатели влажности, температуры, высоты) и представляя их в

формате сетки или векторных данных.

Наиболее широко известным является применение ГИС-технологий для повышения известности и привлекательности туристских дестинаций за счет включения достопримечательностей и инфраструктурных объектов в поисковые системы, позволяющие туристам легко ориентироваться в новом для себя месте [20]. Маркетинг в поисковых системах (Search engine marketing – SEM), который в последние десятилетия рассматривается как важный стратегический инструмент в маркетинге туристских дестинаций [14; 9; 20], дополняется мобильным маркетингом на основе ГИС-технологий [18; 10].

ГИС-технологии предоставляют большие возможности для развития современных туристических приложений, позволяя создавать цифровые карты, служащие основой для печатных карт; цифровые файлы для интернет- и мобильной картографии; веб-сайты с интерактивными картами, которые поддерживают запросы с уникальными преимуществами визуализации [21; 17].

В качестве примера социально-культурного аспекта в применении ГИС-технологий можно привести геоколлабораторию (geocollaboratory), разработанную в рамках туристической сети Aboriginal Tourism Network (ABORINET) для исследований в сфере туризма, затрагивающего интересы коренных народов [9]. Коренные общины являются культурно специфичными и удаленно расположенными, и это создает географические и социокультурные ограничения при проведении исследований по вопросам, затрагивающим эти общины. Развитие ABORINET было сосредоточено на конкретной цели: обеспечить сотрудничество между исследователями и коренными народами по вопросам, связанным с планированием и управлением туризмом, разработать многопрофильный протокол сбора и анализа данных для лучшего понимания туризма коренных народов и для обмена результатами, которые имеют значение для всех заинтересованных сторон в сообществах коренных народов и за их пределами.

В туризме существует необходимость в комплексном планировании аттракций (как природных, так и рукотворных), услуг (размещение, питание, лечение, связь, магазины, информация, туристические операции, обмен валюты, почтовые услуги, т. д.) и транспортных потоков. Для этого крайне важны сбор и обработка пространственных данных: все локации и связи между ними должны быть определены и проанализированы в пространственном контексте.

Примером использования ГИС как инструмента сбора, анализа, моделирования и визуального представления туристических данных может служить работа по развитию туристской дестинации Златибор и Златар, где комбинируются три приложения [12]: *инвентаризация* (районов зонирования, землепользования, охраняемых районов); *аналитика* (оцениваются количество и плотность отелей, домов отдыха, клубов, спортивных объектов, таких как плавательные бассейны, детские площадки, футбольное поле, теннисные корты); *управление* (например, оценка плана землепользования на основе демографических и природных характеристик и планирование капиталовложений в туризм).

С точки зрения курортно-рекреационной деятельности, важна также возможность оценки с помощью ГИС-технологий природных ресурсов региона, в том числе тех, которые могут служить конкурентным преимуществом региона как

курорта [15; 24].

В России, однако, только в последние годы академическое и бизнес-сообщества обратили пристальное внимание на использование географических информационных систем как инструмента, позволяющего решать целый комплекс задач в туризме и курортно-рекреационной деятельности [22]. Это касается и задач планирования, в основе которых лежит оценка ресурсного обеспечения соответствующих видов деятельности.

Ресурсное обеспечение развития туризма в регионе можно рассматривать в русле создания базовых условий, необходимых для эффективной деятельности [2]. Соответственно, в нашем случае необходимо оценивать обеспеченность региона курортно-рекреационными ресурсами, включая гостинично-курортную инфраструктуру, транспортную инфраструктуру, инфраструктурные туристские ресурсы. Кроме того, важна своевременная и адекватная оценка рекреационной емкости природных комплексов, ресурс которых не безграничен, а также еще целый ряд разноплановых сведений, которые имеют значение для курортно-рекреационной деятельности и одновременно оказывают воздействие на устойчивое развитие региона в целом. В частности, как подчеркивает В. И. Татаренко, в случае нерационального воздействия на ландшафты в ходе урбанизации их рекреационная ценность снижается и они оказываются неспособны полноценно обеспечивать потребности населения в туризме [7]. В этой связи представлялось целесообразным проанализировать ряд показателей, характеризующих, с одной стороны, обеспеченность региона курортно-рекреационными ресурсами, с другой стороны – ежегодный приток туристов в регион.

Материалы и методы

При анализе будем использовать методы эконометрического оценивания: корреляционный анализ, регрессионный анализ и методы классификации.

Анализ матрицы парных коэффициентов корреляции позволит лучше специфицировать модель связи притока туристов с факторами туристической привлекательности. Факторы, значимые для анализа, затем послужат критериями для типологизации регионов и выделения групп регионов с различным уровнем предложения туристических благ и разной степенью привлекательности с точки зрения туристов.

Мы рассматриваем выборку из 85 российских регионов и используем данные за 2015 год, большая часть из которых взята из статистики Росстата¹ и открытых данных Федерального агентства по туризму².

Была сформулирована следующая гипотеза: число туристов (размещенных в коллективных местах) зависит не только от количества достопримечательностей, запланированных мероприятий, наличия заповедников, климатических факторов и других рекреационных ресурсов, но также от множества инфраструктурных и экономических характеристик региона. Среди них:

- наличие дорог (в том числе с усовершенствованным покрытием);

---

¹ www.rosstat.ru

² <http://opendata.russiatourism.ru/>

- общая плотность дорог с твердым покрытием (для путешествующих на машине);
- уровень жизни в регионе (что, с одной стороны, отражают относительные цены на туристические блага, с другой стороны – качество этих благ);
- наличие и распространение доступа в Интернет (как показатель активного использования современных информационных ресурсов);
- уровень преступности;
- ежегодные инвестиции в туристическую инфраструктуру;
- объем предложения туристических услуг.

Для того, чтобы ответить на вопрос «Что первично: спрос или предложение размещения? Есть ли нехватка числа коллективных мест размещения?», было необходимо проанализировать структуру предложения размещения в регионах, характеризующихся высоким уровнем курортно-рекреационных ресурсов.

Для проверки гипотез о факторах, влияющих на приток туристов, авторы данной статьи использовали следующие статистические данные в региональном разрезе:

- количество санаторно-курортных организаций;
- число санаторно-курортных организаций на душу населения (на 1 млн человек);
- информация о количестве коллективных средств размещения;
- число коллективных мест на душу населения (на 1 млн человек);
- число коллективных мест на 1 кв. км территории;
- информация о количестве мест в коллективных средствах размещения;
- число мест в коллективных местах размещения на 1000 человек населения;
- информация об инвестициях в основной капитал, направленных на развитие коллективных средств размещения (гостиниц, прочих мест для временного проживания);
- инвестиции в основной капитал на одно коллективное место размещения, тыс. рублей;
- инвестиции в основной капитал на одно коллективное место размещения в валовом региональном продукте;
- информация о численности граждан российской федерации, размещенных в коллективных средствах размещения (чел.);
- информация о численности иностранных граждан, размещенных в коллективных средствах размещения (тыс. чел.);
- все размещенные (тыс. чел.);
- среднедушевые денежные доходы населения, рублей в месяц;
- стоимость фиксированного набора товаров и услуг;
- % населения с доходами ниже прожиточного минимума;
- число зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек;
- общая площадь особо охраняемых природных территорий (ООПТ) за 2015 год;
- ООПТ федерального значения;

- ООПТ регионального значения;
- ООПТ местного значения;
- удельный вес площади ООПТ в общей площади, %;
- температура воздуха, °С, январь;
- температура воздуха, °С, июль;
- разница средних температур между июлем и январем;
- удельный вес автомобильных дорог с твердым покрытием в общей протяженности;
  - удельный вес автомобильных дорог с усовершенствованным покрытием в общей протяженности автомобильных дорог с твердым покрытием;
  - удельный вес дорог с усовершенствованным покрытием в общей протяженности дорог;
  - плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием;
  - число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения;
  - число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ в Интернет на 100 человек населения;
  - информация об объеме платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения (тыс. руб.);
  - объем платных и объем туристских услуг в валовом региональном продукте;
  - объем платных услуг гостиниц и аналогичных средств размещения в расчете на одно место;
  - количество туристских достопримечательностей, всего (архитектура, археологические объекты, места воинской славы, памятники, скульптуры, мемориалы);
  - количество туристских достопримечательностей к площади (на тыс. км);
  - количество запланированных мероприятий в 2017 году;
  - площадь территории, тыс. км²;
  - численность населения на 1 января 2016 г., тыс. человек;
  - среднедушевые денежные доходы;
  - потребительские расходы на душу населения;
  - среднемесячная номинальная заработная плата;
  - валовый региональный продукт;
  - доля городского населения.

При этом необходимо было принять во внимание проблемы российской статистики туризма: в настоящее время существуют значительные расхождения в оценке ежегодного числа туристов, посещающих регион. В официальной отчетности число прибывающих туристов фиксируется только на основе отчетности гостиниц и коллективных средств размещения (КСР), оценка количества которых занижена. ФМС России учитывает только иностранных граждан, вставших на миграционный учет. В качестве туристов учитываются граждане, заявившие туризм в качестве цели поездки. Так, по Москве в 2015 году Росстатом учтены сведения по 277 КСР (с учетом досчета – 654 КСР), в то время

как по данным сайта Booking.com в Москве есть 2 081 объект, доступный для бронирования. По данным Департамента туризма (методика с учетом досчета по КСР и анализа данных по транспортным потокам), в 2015 г. в Москву прибыло 4,5 млн иностранных туристов.

Учитывая тот факт, что мы имеем дело с региональной статистикой, характеризующейся значительным разбросом показателей (что приводит к проблеме гетероскедастичности), было принято решение произвести некоторый предробессинг и подобрать «правильные» переменные: удельные, подушевые, характеризующие плотность, приведенные к ВРП или в расчете на одно койко-место.

Результаты и обсуждение

Ниже приведен ряд моделей (от менее удачной – к более удачным). В качестве объясняемой переменной мы рассматриваем число туристов в коллективных местах размещения (в абсолютном выражении и в расчете на единицу площади или на душу населения). Стандартная проверяемая гипотеза: число туристов зависит от предложения и качества коллективных мест размещения, привлекательности региона с точки зрения наличия достопримечательностей, безопасности региона, относительной дороговизны предлагаемых туристических услуг, экономического благосостояния населения региона, а также климатических характеристик.

В первой группе моделей рассмотрим переменную «число размещенных российских и иностранных туристов» как функцию от плотности коллективных средств размещения, доход на душу населения к стоимости потребительской корзины (как индикатор уровня жизни населения), уровня преступности, средней температуры июля, качества дорог, числа запланированных мероприятий.

Во второй группе моделей мы рассмотрим переменную «число размещенных российских и иностранных туристов на единицу площади». В таблицах 1–2 приведены коэффициенты и их значимость на основе t-статистики.

Таблица 1.

Модель на основе количества размещенных российских и иностранных туристов в коллективных средствах размещения

	К	T-статистика (в скобках – значимость)
Константа	-2499,03	-2,98 (0,00)
Число коллективных средств размещения к численности населения (на 1 млн человек)	10,34	4,81 (0,00)
Доход на душу населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг	361,96	1,820 (0,073)
Число зарегистрированных правонарушений на 100 тыс. человек	0,17	1,179 (0,24)
Средняя температура воздуха в июле	58,31	2,296 (0,025)
Удельный вес дорог с усовершенствованным	1,350	1,267 (0,79)

покрытием в общей протяженности дорог		
Число запланированных мероприятий	24,39	4,132 (0,00)
Число активных абонентов связи, использующих мобильный интернет 100 человек населения	7,96	1,633 (0,107)
R-квадрат	0,67	
Скорректированный R-квадрат	0,63	
F-статистика	18,22	

В число показателей, значимых для объяснения количества туристов (туристической привлекательности региона), входят фактор климатической привлекательности (как средняя июльская температура, так и разница между летними и зимними температурами, что определяет мягкость или выраженную континентальность климата).

Таблица 2.

Модели, основанные на показателе количества размещенных российских и иностранных туристов на единицу площади (плотность размещенных туристов)

Модели	Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	К	T-стат (значимость)	К	T-стат (значимость)	К	T-стат (значимость)
Константа	-1946,13	-2,808 (0,07)	-657,7	-7,348 (0,00)	-291,8	-2,834 (0,006)
Кол-во КСР на ед. площади	10,23	5,261 (0,00)				
Доход на душу населения к фиксированному набору товаров и услуг	351,11	1,886 (0,64)				
Средняя температура воздуха в июле	46,99	2,100 (0,04)				
Число запланированных мероприятий	24,95	4,282 (0,00)	2,38	1,95 (0,05)		
Число активных абонентов связи, использующих мобильный интернет на 100 человек населения	8,22	1,779 (0,08)	3,51	3,54 (0,00)	2,01	2,45 (0,017)
Разница между среднегодовой температурой июля и января			10,04	3,771 (0,00)	11,51	5,50 (0,00)
Плотность автомобильных дорог с твердым покрытием			0,79	17,15 (0,00)	0,83	20,97 (0,00)
Удельный вес площади ООПТ в общей площади			-4,53	-1,7 (0,09)		
Число достоприм.					0,822	3,04 (0,00)
Средняя температура июля					-20,95	-5,55 (0,00)
R-квадрат	0,66		0,874		0,905	

Скорректированный R-квадрат	0,63		0,865		0,899	
F-статистика	25,45		94,53		141,3	

Почти везде незначимыми либо с отрицательным знаком оказались показатели, характеризующие площадь заповедников (природоохранных территорий). Во всех моделях, независимо от спецификации, значимы показатели, отвечающие за плотность и наличие автомобильных дорог с твердым либо усовершенствованным покрытием. Значимым фактором туристической привлекательности является наличие активных пользователей как мобильного Интернета, так и фиксированного широкополосного.

В некоторых моделях значим фактор предложения жилья – относительное число мест коллективного размещения (на единицу территории или в расчете на 1 млн жителей).

Также статистически значимо влияние факторов, связанных с числом достопримечательностей и числом запланированных мероприятий в сфере туризма (отражающего комплекс действий региональных властей, направленных на развитие туристического сегмента).

В ряду факторов, чье влияние на приток туристов незначимо, – инвестиции в основной капитал, направленные на развитие коллективных мест размещения, что косвенным образом может свидетельствовать о неэффективности этих инвестиций.

Статистически незначимо влияние фактора, отвечающего за благосостояние населения региона (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и среднедушевые доходы, приведенные к стоимости фиксированного набора товаров и услуг). Скорее, значение имеет фактор относительной цены предложения туристских услуг (объем платных услуг гостиниц и коллективных средств размещения в расчете на одно место).

Как можно видеть из последней модели, факторами, объясняющими львиную долю дисперсии числа туристов между регионами, являются качество дорожной инфраструктуры, климат и характеристика активного использования информационных технологий.

Можно предположить, что факторы, влияющие на поток туристов, определяют также и типологизацию регионов. Соответственно, все российские регионы могут быть поделены на группы в зависимости от значений показателей, значимых для туристической привлекательности.

Типологизация регионов

Мы выделили 4 кластера из 85 регионов на основе следующих показателей:

- разница температур июля и января, °С;
- плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием;
- число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ в Интернет на 100 человек населения;
- количество туристских достопримечательностей, всего;
- доля городского населения, % (табл. 3).

В первом кластере – стоящие особняком столичные регионы (Москва и Санкт-Петербург); во 2-м кластере – 5 регионов, обладающих привлекательными

для туристов ресурсами; в 3-м кластере – 43 наименее привлекательных для туристов региона; в 4-м кластере – остальные 35 регионов, средние с точки зрения туристической привлекательности.

Таблица 3.

Характеристики туристско-рекреационных кластеров регионов России

Характеристики центров кластеров	Прочие характеристики кластеров (по которым не производилась кластеризация)
Кластер 1 – Москва, Санкт-Петербург	
Очень высокая плотность дорог с твердым покрытием (в т. ч. усовершенствованным), столичный статус, много планируемых мероприятий в сфере туризма, много достопримечательностей, значительный охват услугами связи (мобильный Интернет), городское проживание.	Высокая стоимость размещения (объем платных услуг в расчете на 1 место); очень высокое число туристов на единицу территории и на душу населения; большое количество планируемых мероприятий в сфере туризма, высокая доля туристических услуг в ВРП, высокая доля абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет (что характерно для городов), относительно низкий уровень статистики правонарушений, низкая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума; высокие доходы на душу населения, приведенные к стоимости фиксированного набора товаров и услуг; значительное число туристов в абсолютном выражении; высокие удельные значения инвестиций в основной капитал на развитие КСР; очень большое предложение по размещению, в т. ч. в удельном выражении.
Кластер 2 – Белгородская область, Московская область, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания, Севастополь	
Высокая доля дорог с твердым покрытием, умеренный и теплый климат с относительно небольшим сезонным перепадом температур, низкое число активных пользователей, имеющих доступ к мобильному Интернету.	Достаточно низкая стоимость размещения (объем платных услуг в расчете на 1 место); достаточно высокое число туристов на единицу территории и на душу населения; большое число достопримечательностей на единицу площади; низкая доля активных абонентов широкополосного доступа в Интернет; высокая доля особо охраняемых природных территорий в общей площади, высокое абсолютное число туристов; значительные инвестиции в расчете на коллективное средство размещения; невысокое предложение размещения.
Кластер 3 – Волгоградская область, Вологодская область, Оренбургская область, Пермский край, Приморский край, Республика Алтай, Республика Коми, Республика Марий Эл	
Очень низкая доля дорог с твердым покрытием и усовершенствованным покрытием, большой сезонный перепад температур, высокая доля городского населения, меньшее число туристических достопримечательностей.	Низкая цена услуг размещения; очень низкое число туристов на единицу территории; мало достопримечательностей на единицу территории; высокая доля абонентов фиксированного широкополосного Интернета; плохая статистика правонарушений; более высокая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума; низкий объем туристического потока; высокое значение предложения размещения в расчете на душу населения, но низкое – на единицу территории.
Кластер 4 – Владимирская область, Пензенская область, Псковская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Тульская область, Удмуртская Республика	

Небольшой сезонный перепад температур, высокие температуры июля, относительно низкая доля городского населения, средняя обеспеченность дорогами с твердым покрытием, относительно низкое число пользователей мобильного Интернета.	Среднее число туристов на единицу территории; низкое число достопримечательностей на единицу территории; достаточно высокое предложение по размещению в расчете на душу населения
--	---

В таблице 3 приведены значения центров кластеров, близкие к средним значениям регионов, входящих в данный кластер по каждой из переменных. Данная информация помогает понять особенности регионов, входящих в конкретный кластер, имея в виду, что каждая из переменных отвечает за туристическую привлекательность региона. Так, регионы 3-го кластера характеризуются максимальным разбросом летних и зимних температур, регионы 1-го кластера – наибольшей плотностью дорог с твердым покрытием и числом туристических достопримечательностей, и т. д.

Таблица 4.
Конечные значения центров кластеров регионов для показателей, важных с точки зрения влияния на туристический поток

	Кластер			
	1	2	3	4
Разница температур июля и января, °С	21,5	22,9	31,8	24,6
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	2415	793	75	351
Число активных абонентов подвижной радиотелефонной связи, использующих широкополосный доступ в Интернет на 100 человек населения	92	58	67	59
Количество туристических достопримечательностей, всего	208	59	56	59
Доля городского населения, %	99	69	73	66

В таблице 4 перечислены регионы, входящие в каждый кластер, и дана краткая характеристика каждого кластера на основе анализа значений его центров. Так, привлекательными с точки зрения туристов являются регионы, входящие в 1, 2 и 4 кластеры – столичные города, регионы с развитой дорожной инфраструктурой, регионы с благоприятным климатом.

Наименее привлекательны регионы 3-го кластера, где низкая плотность дорог с твердым покрытием сочетается с резко континентальным климатом (большим перепадом температур) и относительно невысокой «плотностью» достопримечательностей (согласно реестру Федерального агентства по туризму).

Выводы

Российские регионы обладают достаточно серьезным рекреационным потенциалом, однако до сих пор многие конкурентные преимущества, которые могли бы быть использованы для развития соответствующего сегмента российского внутреннего и въездного туризма, до сих пор остаются недооцененными. При этом недооценивается и негативное влияние ряда объективных показателей на туристско-рекреационную привлекательность того или иного региона.

С учетом поставленных в настоящее время задач по устойчивому региональному развитию и развитию внутреннего и въездного туризма, четкое понимание ресурсных возможностей российских регионов как туристских дестинаций становится исключительно важным. В частности, требуются дополнительные усилия по оценке и анализу курортно-рекреационного потенциала российских регионов.

Чтобы не только полноценно использовать собственные ресурсы, но и комбинировать их с целью системного развития курортно-рекреационного комплекса в масштабах страны, необходимо обладать адекватной информацией о множестве взаимосвязанных показателей. Возможность получения такой информации значительно расширяется при использовании ГИС-технологий.

Как показали результаты исследования, представленного в данной статье, основными факторами, объясняющими распределение туристских потоков между российскими регионами, являются качество дорожной инфраструктуры, климат и активность использования информационных технологий. Основные туристические потоки направлены в регионы с хорошим состоянием дорожной инфраструктуры и благоприятными климатическими условиями – при том, что данные регионы не характеризуются ни высокими инвестициями в коллективные средства размещения, ни предложением дешевых туристических услуг. В ряду прочих значимых факторов – общее число достопримечательностей и количество запланированных мероприятий. Вопреки первоначальным ожиданиям, не удалось выявить значимого влияния на туристическую привлекательность региона таких факторов, как наличие природоохранных зон и статистика правонарушений.

В результате исследования были выделены три кластера, в которых сконцентрированы российские регионы, являющиеся достаточно привлекательными с точки зрения туристов: столичные города, регионы с развитой дорожной инфраструктурой, регионы с благоприятным климатом. Наименее привлекательны для туристов регионы со слабо развитой дорожной инфраструктурой, резко континентальным климатом и малым числом достопримечательностей. Все это следует учитывать при планировании курортно-рекреационной деятельности в масштабах страны.

Литература

1. Бобылев С. Н., Порфирьев Б. Н. Устойчивое развитие крупнейших городов и мегаполисов: фактор экосистемных услуг // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика, 2016. №. 6. С. 3–21.
2. Никоноров С. М., Белов Г. Л., Краснова И. Г., Белова Н. М. Развитие туризма в

- регионе: инновации, инвестиции, стратегии. – Чебоксары: филиал СПбГИЭУ в г. Чебоксары, 2009.
3. Оборин М. С. Подходы к определению сущности курортной инфраструктуры региона: теория и практика // Известия Уральского государственного экономического университета, 2014. № 1 (51). С. 66–71.
  4. Оборин М. С., Шерешева М. Ю. Специфика сетевых бизнес-моделей в туристско-рекреационной сфере // Управленец, 2017. № 4 (68). С. 24–31.
  5. Оборин М. С., Пахалов А. М., Шерешева М. Ю. Эффективность стратегического планирования развития малых городов на основе сетевого механизма координации // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика, 2017. № 4. С. 100–117.
  6. Ротанова И. Н., Николаева О.П. ГИС в обеспечении эколого-рекреационной безопасности населения // Интерэкспо Гео-Сибирь, 2011. Т. 1. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskij-podhod-k-otsenke-gidropotentsiala-territorii-respubliki-altay-v-rekreacionnyh-tselyah>
  7. Татаренко В. И. Экономическое и социальное значение здоровья населения как компонента трудового потенциала // Изв. вузов. Геодезия и аэрофотосъемка, 2013. № 5. С. 110–116.
  8. Шерешева М. Ю., Баснина Т. Д. Анализ состояния и перспектив развития санаторно-курортного комплекса России // Аудит и финансовый анализ, 2015. № 5. С. 401–407.
  9. Buhalis D., Law R. Progress in information technology and tourism management: 20 years on and 10 years after the Internet – The state of eTourism research // Tourism Management. 2008. Vol. 29. № 4. P. 609–623.
  10. Gavalas D., Konstantopoulos C., Mastakas K., Pantziou G. Mobile recommender systems in tourism // Journal of network and computer applications. 2014. Vol. 39. P.319–333.
  11. Hopwood B., Mellor, M., O'Brien G. Sustainable development: mapping different approaches // Sustainable development, 2005. Vol. 13. № 1. P. 38–52.
  12. Jovanović V., Njegus A. The application of GIS and its components in tourism // Yugoslav Journal of Operations Research, 2008. Vol. 18. № 2. P.261–272.
  13. Larson L.R., Lauber T.B., Kay D.L., Cutts B.B. Local government capacity to respond to environmental change: Insights from towns in New York State // Environmental Management, 2017. P. 1–18.
  14. Levene M. An introduction to search engines and Web navigation. - Harlow, England; New York: Addison-Wesley, 2006.
  15. Levine A. S., Feinholz C. L. Participatory GIS to inform coral reef ecosystem management: Mapping human coastal and ocean uses in Hawaii // Applied Geography, 2015. Vol. 59. P. 60–69.
  16. Mingaleva Z.A., Sheresheva M.Y., Oborin M.S., Gvarliani T.E. Networking of SmallCities to Gain Sustainability // Entrepreneurship and Sustainability Issues, 2017. Vol. 5. № 1. P. 140–156.
  17. Mohammad N.A., Sa S.M., Akhir J.M. Land use evaluation for Kuala Selangor, Malaysia using remote sensing and GIS technologies // Geografia-Malaysian Journal of Society and Space, 2017. Т. 3. № 1. P. 1–19. URL: <http://ejournals.ukm.my/gmjss/article/viewFile/17869/5548>
  18. Noguera J. M., Barranco M. J., Segura R. J., MartíNez L. A mobile 3D-GIS hybrid

- recommender system for tourism // Information Sciences, 2012. № 215. P. 37–52.
19. Pan B., Li X. Long tail of destination image and search marketing // Annals of Tourism Research, 2011. Vol. 38. № 1. P. 132–152.
20. Pan B., Xiang Z., Law R., Fesenmaier D.R. The dynamics of search engine marketing for tourist destinations // Journal of Travel Research, 2011. Vol. 50. № 4. P. 365–377.
21. Raun J., Ahas R., Tiru M. Measuring tourism destinations using mobile tracking data // Tourism Management, 2016. Vol. 57. P. 202–212.
22. Vishnevskaya E., Klimova T., Dumacheva E., Bogomazova I. Current issues in the development of modern guide using GIS technologies // Advances in Environmental Biology, 2014. Vol. 8. № 13. P. 305–308.
23. Xiang Z., Pan B. Travel queries on cities in the United States: Implications for search engine marketing for tourist destinations // Tourism Management, 2011. Vol. 32. № 1. P. 88–97.
24. Yang C., Zhang X. Design of forest tourism resources evaluation system based on GIS // RISTI (Revista Iberica de Sistemas e Tecnologias de Informacao), 2016. № E5. P.171–182.

УДК 338.48

M. S. Oborin¹

M. Y. Sheresheva²

L. A. Valitova³

Analysis of resort and recreational resources of the region on the basis of GIS-technologies

---

¹Perm Institute (branch) of the Federal state institution of higher education «Russian economic University G. V. Plekhanov», FSBEI «Perm state national research University»

e-mail: recreachin@rambler.ru

²Lomonosov Moscow state University

e-mail: m.sheresheva@gmail.com

³Lomonosov Moscow state University,

e-mail: lvalit@gmail.com

Abstract. *This work is devoted to analysis of the factors affecting the tourist attractiveness of the regions with the resort and recreational potential. Examined the relationship of indicators of resort and recreational resources of the region, with an estimate of the number of tourists, annually fixed by reporting in areas of collective use (hotels, sanatorium-resort organizations, private sector, etc.). The factors affecting the attendance of the region by tourists. The proposed typology of Russian regions from the point of view of their attractiveness and availability of travel, including resort and recreational resources.*

Key words. *Resort and recreational system, the attractiveness of the region, resort and recreational resources.*

References

1. Bobylev S.N., Porfiriev B.N. Ustoichivoe razvitie krupneishih gorodov I megapolisov: faktor ekosistemnyh uslug // Vestnik Moskovskogo universiteta.

- Seriya 6: Ekonomika. – 2016. – № 6. – P. 3-21.
2. Nikonorov S.M., Belov G.L., Krasnova I.G., Belova N.M. Razvitie turizma v regione: innovatsii, investitsii, strategii. – Cheboksary: filial SPbGIEU v g. Cheboksary, 2009.
  3. Oborin M.S. Podhody k opredeleniy sushnosti rurortnoi infrastruktury regiona: teoriya I praktika // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. - 2014. - № 1 (51). - P. 66-71.
  4. Oborin M.S., Sheresheva M.Y. Spetsifika setevykh biznes-modelei v turistsko-rekreatsionnoi sfere // Upravlenets. № 4(68), 2017. - P. 24–31.
  5. Oborin M.S., Pahalov A.M., Sheresheva M.Y. Effektivnost strategicheskogo planirovaniya razvitija malyh gorodov na osnove setevogo mehanizma koordinatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. № 4, 2017. - P. 100-117.
  6. Rotanova I.N., Nikolaeva O.P. GIS v obespechenii ekologo-rekreatsionnoi bezopasnosti naselenija// Interekspo Geo-Sibir. 2011. – T. 1. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskiiy-podhod-k-otsenke-gidropotentsiala-territorii-respubliki-altay-v-rekreatsionnyh-tselyah>
  7. Tatarenko V.I. Ekonomicheskoe I sotsialnoe znachenie zdorovya naselenija kak komponenta trudovogo potentsiala // Izvestiya vuzjv. Geodezija I aerofotocemka. – 2013. – № 5. – P. 110–116.
  8. Sheresheva M.Y., Basnina T.D. Analiz sostoyaniya I perspektiv razvitija sanatorno-kurortnogo kompleksa Rossii // Audit I finansovyi analiz. - 2015. - № 5. - P. 401–407.
  9. Buhalis D., Law R. Progress in information technology and tourism management: 20 years on and 10 years after the Internet - The state of eTourism research // Tourism Management. 2008. - Vol. 29. – № 4. - P.609-623.
  10. Gavalas D., Konstantopoulos C., Mastakas K., Pantziou G. Mobile recommender systems in tourism // Journal of network and computer applications. – 2014. – Vol.39. – P.319-333.
  11. Hopwood B., Mellor, M., O'Brien G. Sustainable development: mapping different approaches // Sustainable development. – 2005. – Vol. 13. – № 1. - P.38-52.
  12. Jovanović V., Njegus A. The application of GIS and its components in tourism // Yugoslav Journal of Operations Research. – 2008. – Vol. 18. – № 2. – P.261-272.
  13. Larson L.R., Lauber T.B., Kay D.L., Cutts B.B. Local government capacity to respond to environmental change: Insights from towns in New York State // Environmental Management, 2017. 1-18.
  14. Levene M. An introduction to search engines and Web navigation. - Harlow, England; New York: Addison-Wesley, 2006.
  15. Levine A. S., Feinholz C. L. Participatory GIS to inform coral reef ecosystem management: Mapping human coastal and ocean uses in Hawaii // Applied Geography. – 2015. – Vol. 59. – P.60-69.
  16. Mingaleva Z.A., Sheresheva M.Y., Oborin M.S., Gvarliani T.E. Networking of SmallCities to Gain Sustainability // Entrepreneurship and Sustainability Issues. - 2017. - Vol. 5. - № 1. - P. 140–156.
  17. Mohammad N.A., Sa S.M., Akhir J.M. Land use evaluation for Kuala Selangor, Malaysia using remote sensing and GIS technologies // Geografia-Malaysian Journal of Society and Space. – 2017. – T. 3. – № 1. - P.1-19. – URL: <http://ejournals.ukm.my/gmjss/article/viewFile/17869/5548>

18. Noguera J. M., Barranco M. J., Segura R. J., MartíNez L. A mobile 3D-GIS hybrid recommender system for tourism // Information Sciences. – 2012. - № 215. - P.37-52.
19. Pan B., Li X. Long tail of destination image and search marketing // Annals of Tourism Research. - 2011. – Vol. 38. – № 1. - P.132-152.
20. Pan B., Xiang Z., Law R., Fesenmaier D.R. The dynamics of search engine marketing for tourist destinations // Journal of Travel Research. - 2011. - Vol.50. - № 4. - P.365-377.
21. Raun J., Ahas R., Tiru M. Measuring tourism destinations using mobile tracking data // Tourism Management. – 2016. – Vol. 57. – P.202-212.
22. Vishnevskaya E., Klimova T., Dumacheva E., Bogomazova I. Current issues in the development of modern guide using GIS technologies // Advances in Environmental Biology. - 2014. - Vol. 8. – № 13. - P.305-308.
23. Xiang Z., Pan B. Travel queries on cities in the United States: Implications for search engine marketing for tourist destinations // Tourism Management. – 2011. – Vol. 32. – № 1. – P. 88-97.
24. Yang C., Zhang X. Design of forest tourism resources evaluation system based on GIS // RISTI (Revista Iberica de Sistemas e Tecnologias de Informacao). – 2016. – № E5. – P.171-182.

Поступила в редакцию 20.11.2017г.

УДК 502.53.001.18(477.75)

И. В. Калинин¹

И. А. Мирошниченко²

Ландшафтное планирование территории Краснопереконского района Республики Крым³

¹Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь,
Российская Федерация,
e-mail: ir_vasi@mail.ru

²Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь,
Российская Федерация,
e-mail: ¹i.a.miroshnichenko@mail.ru, ²lks0324@
yandex.ru

Аннотация. Статья иллюстрирует алгоритм методики ландшафтного планирования административных территорий, используемой научной школой конструктивно-ландшафтной географии в Крыму. Для территории Краснопереконского района Республики Крым на основе данных космических снимков, карты восстановленных ландшафтов, информации о современном природопользовании, ранее разработанной карты хозяйственной подсистемы современных ландшафтов составлены карты экологического состояния и неблагоприятных процессов территории Краснопереконского района, его экологической сети, ландшафтно-экологических ограничений хозяйственного использования территории и итоговая карта ландшафтного планирования района.

Ключевые слова: современные ландшафты, ландшафтное планирование, ландшафтно-экологические ограничения хозяйственного использования, Краснопереконский район, Республика Крым

Введение

В XXI век ландшафтное планирование становится одним из наиболее эффективных экологически ориентированных приемов управления

---

³Настоящая работа выполнена при поддержке Программы развития Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» на 2015–2024 годы в рамках реализации академической мобильности по проекту ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» «Сеть академической мобильности “ГИС-Ландшафт–Технологии и методики формирования геопорталов современных ландшафтов регионов”» в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук» (г. Владивосток) в 2016 году.

природопользованием и охраны природы, важным инструментарием анализа средо- и ресурсовоспроизводящих способностей ландшафтов, оценки их геоэкологического состояния и разработки необходимого комплекса мероприятий по оптимизации использования природных ресурсов и сохранению природного и культурного наследия региона. Примечательно, что ландшафтное планирование позволяет облекать специфическую географическую, «ландшафтную» информацию в форму, приемлемую и доступную пониманию не только ученым-географам. Его результаты могут применяться в территориальном анализе, планировании создания и зонировании ООПТ, землеустройстве, водоохранном зонировании, градостроительном проектировании и оценке воздействия создаваемых хозяйственных объектов на окружающую среду.

Для ландшафтного планирования чрезвычайную важность представляет «исходный материал» – современные ландшафты, состоящие из природной и хозяйственной подсистем. Настоящее исследование является продолжением изучения современных ландшафтов Краснопереконского района Республики Крым и в связи с новыми социально-экономическими условиями республики оно достаточно актуально.

Материалы и методы

Ландшафтное планирование территории Краснопереконского района Республики Крым производилось в рабочем масштабе 1:200000. Одним из основополагающих положений работы является представление о ландшафтных уровнях Г. Е. Гришанкова и региональных закономерностях организации ландшафтов (гидроморфная поясность, ярусность ландшафтов на равнинах, склоновая микрозональность, позиционность и др.) [1; 2]. Научная школа конструктивно-ландшафтной географии, зарегистрированная в ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И.Вернадского», трактует современный ландшафт как единую систему, состоящую из природной и хозяйственной подсистем. В соответствии с методикой Е. А. Позаченюк [3] в программном комплексе ArcGIS10.3 по данным космических снимков Яндекс. Спутник, GoogleMaps, полученных с помощью open-source программы SAS-Planet, составлена карта хозяйственной подсистемы современных ландшафтов Краснопереконского района. Методом наложения карт природной (по Г. Е. Гришанкову [2]) и хозяйственной подсистем составлена карта современных ландшафтов Краснопереконского района. В качестве теоретико-методической базы ландшафтного планирования приняты положения, разработанные в трудах Н. А. Алексеенко, А. Н. Антипова, Д. Л. Арманда, Г. Н. Высоцкого, Г. Е. Гришанкова, М. Д. Гродзинского, В. В. Докучаева, А. В. Дроздова, К. Н. Дьяконова, А. Г. Исаченко, Н. С. Касимова, Е. Ю. Колбовского, В. А. Николаева, Е. А. Позаченюк, В. С. Преображенского, Ф. Н. Реймерса, Л. Г. Руденко, П. Г. Шищенко, Н. Lange, W. Wende, M. Herbert, D. Bruns, K. Ermer и др.

Методы исследования логически связаны с целью исследования и с решением основных поставленных научных задач. При работе использовалась совокупность различных методов: общенаучных (анализа и синтеза, системный подход, сравнительный, дедукции, индукции, вероятностно-статистические методы,

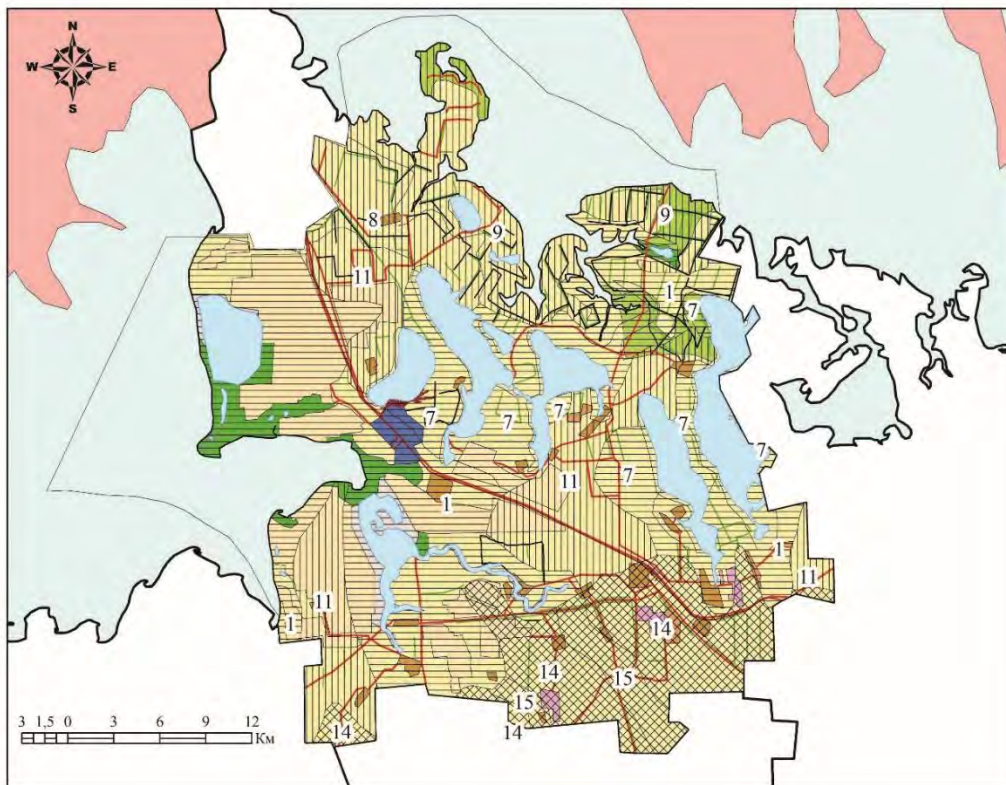
основанные на учете действия множества частных факторов, которые характеризуются устойчивой частотой, а также вероятностный прогноз возможного развития объекта), эмпирические (полевые методы маршрутных наблюдений), конкретно-научные методы – картографический, в т. ч. ландшафтного картографирования. Ландшафтный рамочный план в масштабе 1: 200 000 составлен с использованием инструментов ландшафтного планирования. Обработка аналитической информации, табличного и графоаналитических (графики, диаграммы, картосхемы) результатов осуществлена с помощью компьютерных программ Corel Draw 12, ArcGIS10.3 и Microsoft Excel 2016, Adobe Photoshop CC (2015 Release).

Результаты и обсуждение

Красноперекопский район Республики Крым располагается в пределах гидроморфного ландшафтного уровня, что вместе с равнинным рельефом Северо-Крымской низменности и умеренно-континентальным климатом определяет характерный общий облик равнинных степных ландшафтов района. Территория Красноперекопского района Республики Крым сильно преобразована и подвергается значительной антропогенной нагрузке. Общая картина антропогенной трансформации ландшафтов Красноперекопского района Республики Крым является отражением характерного для всего района сельскохозяйственного преобразования природных ландшафтов, которое выступает фоновым процессом по отношению к ядрам урботехногенеза – ОАО «Крымский содовый завод», Красноперекопский трубный завод, АО «Бром» и др. В ходе работы на подготовительном этапе была составлена карта хозяйственной подсистемы современных ландшафтов района, впоследствии она была совмещена с картой восстановленных ландшафтов (природной подсистемы современных ландшафтов). В результате получена карта современных ландшафтов Красноперекопского района (рис. 1).

Неблагоприятные процессы. К неблагоприятным и опасным природным процессам и явлениям относятся все те, которые отклоняют состояние окружающей среды от диапазона, оптимального для жизни человека и ведущегося им хозяйства. Территория Красноперекопского района характеризуется практически повсеместным распространением подтопления, эрозии, суффозионных и просадочных процессов, в западной части района развиты морские денудационные процессы.

Экологическое состояние. Согласно Позаченюк Е. А [4], территория Красноперекопского района характеризуется предкризисным состоянием, и только небольшой участок южной части – критическим. На основе топокарт, космических снимков, полевых маршрутных наблюдений анализировалось экологическое состояние района. Были выявлены и нанесены основные современные источники загрязнения: промышленные объекты, карьеры, рыбные хозяйства, водохранилища и пруды, автомагистрали, грунтовые дороги, селитебные территории и др. Рисунок 2 иллюстрирует неблагоприятные процессы и экологическое состояние территории Красноперекопского района.

ГИДРОМОРФНЫЙ ЛАНДШАФТНЫЙ УРОВЕНЬ

Зона низменных недrenированных и слабодrenированных аккумулятивных и денудационных равнин с типчаково-ковыльковыми, полынно-типчаковыми, полынно-житняковыми степями в комплексе с галофитными лугами и степями.

Пояс прибрежных недrenированных низменностей, пляжей и кос с галофитными лугами, солончаками и сообществами псаммофитов.

1 - Аккумулятивные недrenированные низменности с солончаками и галофитными лугами.

7 - Озерно-западные на абразионно-денудационной равнине с галофитными лугами в комплексе с полынно-типчаковыми степями.

Пояс аккумулятивных и денудационных недrenированных и слабодrenированных низменностей с полынно-типчаковыми, полынно-житняковыми и ковыльно-типчаковыми степями.

8 - Аккумулятивные денудационно-останцовые слабодrenированные равнины с полынно-житняковыми, полынно-типчаковыми и ковыльно-типчаковыми степями.

9 - Приморско-клифовый аккумулятивных денудационно-останцовых слабодrenированных равнин с полынно-житняковыми, ковыльно-типчаковыми степями в комплексе с галофитными лугами.

11 - Аккумулятивные плоские слабодrenированные равнины с полынно-житняковыми и ковылково-типчаковыми степями.

Пояс аккумулятивных и денудационных слабодrenированных равнин с ковыльно-типчаковыми и полынно-типчаковыми степями.

14 - Аккумулятивные плоские слабодrenированные равнины с бедноразнотравными ковыльно-типчаковыми и полынно-типчаковыми степями.

15 - Долинно-лощинно-балочный, лугов и луговых степей.

Конструктивные

Селитебные

- Сельские
- Городские

Сельскохозяйственные

- Пашня
- Сады
- Виноградники
- Перепрофилированные рисовые чеки

Водохозяйственные

- Водотоки
- Элементы ирригационной системы

Мелиоративные

- Защитные лесонасаждения

Дорожно-транспортные

- Автомобильные магистрали
- Грунтовые дороги
- Полевые дороги и тропы
- Железные дороги

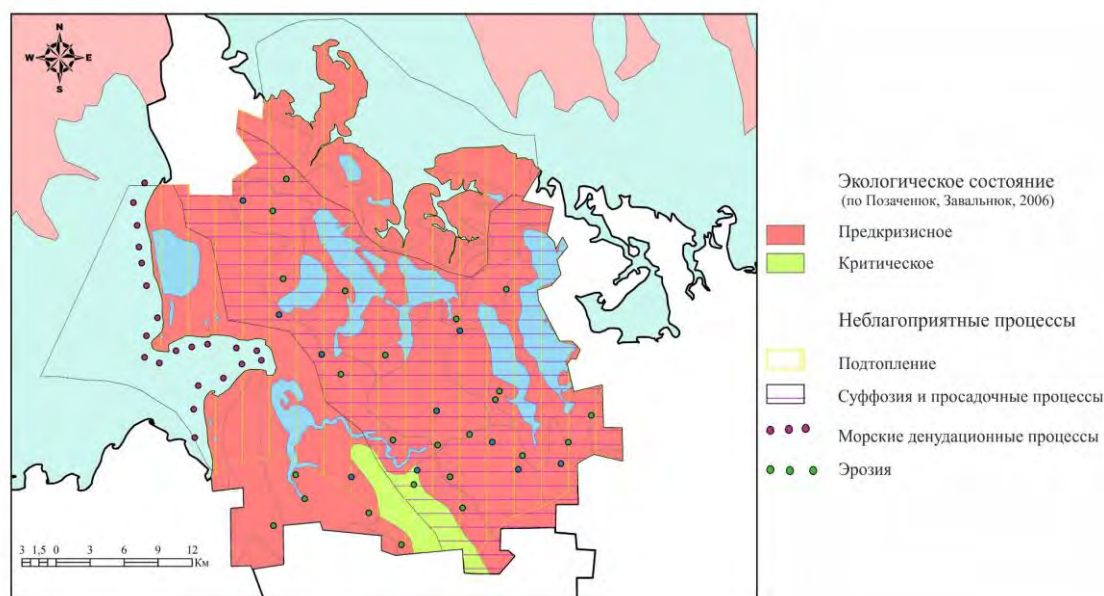
Промышленные

- Рыбопромысловые (нефункционирующие)

Слабоизмененные

- Степные
- Заболоченные земли

Рис. 1. Современные ландшафты Краснопереконского района Республики Крым

Рис. 2. Экологическое состояние и неблагоприятные процессы территории Красноперекопского района Республики Крым (по [4])

Предкризисное экологическое состояние Красноперекопского района обусловлено, в первую очередь, негативными физико-географическими процессами, возникающими в результате значительной распаханности территории, ирригации, несбалансированного применения агротехники, влияния химического техногенного воздействия. Отмечается химическое загрязнение почв, связанное не только с химизацией сельского хозяйства в зоне орошения (особенно рисосеяния), но и промышленным загрязнением атмосферы (влияние Красноперекопского промышленного узла).

Экологическая сеть. На данном этапе в ГИС подгружалась карта региональной экологической сети Республики Крым и создавалась векторная копия для территории Красноперекопского района. С учетом укрупнения масштаба также детализировалась сеть экокоридоров, уточнялись границы экоцентров и восстанавливаемых территорий.

Карта экологической сети района (рис. 3) составлена на основе карты Региональной экологической сети РК и включает лишь крупные ее объекты. Наличие линейных элементов, связывающих базовые резерваты, – одно из основных условий функциональности экологического каркаса. Естественными экологическими коридорами, распространенными практически повсеместно, могут служить водоохранные зоны рек, крупные балки с сохраненной естественной растительностью. Перечень ООПТ содержится в распоряжении Совета министров Республики Крым от 05 февраля 2015 года № 69-р «Об утверждении Перечня особо охраняемых природных территорий регионального значения Республики Крым» [6]. Природные ядра – наиболее ценные природные территории для сохранения биологического и ландшафтного разнообразия, требующие особого вида охраны. В пределах Красноперекопского района расположен уникальный Каркинитский государственный природный

орнитологический заказник площадью 27646 га, служащий пристанищем для 265 видов водоплавающих птиц. Во время линьки здесь сосредотачиваются лебеди и другие водоплавающие птицы (около 20 видов). В период весенних и осенних миграций эта территория является местом отдыха для перелетных птиц, а для кочующих – местом зимовки.

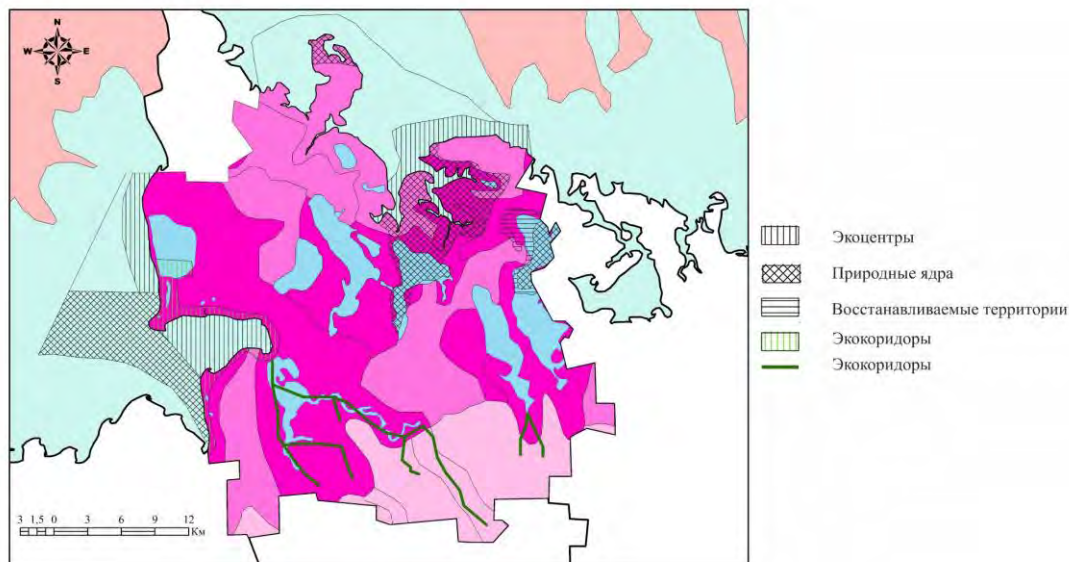

Рис. 3. Экологическая сеть Краснопереконского района Республики Крым (по [5])

Ландшафтно-экологические ограничения. Ландшафтно-экологические ограничения призваны регламентировать режим хозяйственного использования территории. Они делятся на *планировочные (нормативные)*, определенные действующим законодательством и обязательным к соблюдению при строительстве и проектировании новых объектов хозяйствования, и *природные*, обусловленные распространением и активизацией неблагоприятных инженерно-геологических процессов и явлений, в том числе спровоцированных интенсивной хозяйственной деятельностью [7].

К ландшафтно-экологическим ограничениям ключевых участков относят:

- 1) буферные зоны пгт;
- 2) охранные зоны объектов ООПТ;
- 3) водоохранные зоны водных объектов (ВЗ);
- 4) санитарно-защитные зоны промышленных объектов (СЗЗ);
- 5) экологический каркас территории;
- 6) прочие объекты, ограничивающие природопользование.

Рассмотрим зоны с особым режимом природопользования. Документами, регламентирующими размеры и структуру этих зон, являются: Кодексы Российской Федерации – Земельный кодекс РФ (ЗК РФ), Водный кодекс РФ (ВК РФ); строительные нормы и правила – СНиП, санитарные правила и нормы СанПиН; федеральные законы и другие документы [8; 9; 10; 11].

Согласно ст. 86 ЗК РФ [9], «в состав пригородных зон могут включаться земли, находящиеся за границами населенных пунктов, составляющие с городом единую социальную, природную и хозяйственную территорию и не входящие в состав земель иных поселений. В пределах пригородных зон выделяются территории

сельскохозяйственного производства, зоны отдыха населения, резервные земли для развития города. Их границы и правовой режим утверждаются и изменяются законами субъектов Российской Федерации».

Пригородная зона непосредственно принимает участие в обеспечении качества городской среды. Ограничивает городскую систему, имеет определённые функции, размеры и структуру. В ст. 85 ЗК РФ [9] обозначена структура пригородных зон. Главная задача при планировании пригородной зоны – обеспечение рационального и взаимосвязанного размещения на ее территории всех элементов, связанных с городом и обслуживающих его потребности с надлежащим учетом при этом экономики пригородной зоны, природных, экологических и архитектурно-ландшафтных особенностей ее отдельных участков [12].

Статья 86 Земельного кодекса Российской Федерации [9] не дает четкого определения границ пригородных зон. Согласно этой статье, пригородная зона – это территория, расположенная по периметру границы населенного пункта и предназначенная для перспективного развития населенного пункта и для размещения хозяйственной и социальной инфраструктуры. По мнению О. В. Петинной и А. В. Косарева [13], границы пригородной зоны обычно определяются 1–2-часовой изохроной транспортной доступностью до центра города. Чем больше центральный город и выше заинтересованность социума в использовании его окрестностей, тем шире пригородная зона. Тем не менее это все равно достаточно условное определение. Город Красноперекоск, являясь центром района, сам в него не входит, образуя муниципальное образование Красноперекоспский городской округ. Но для целей ландшафтного планирования он был включен в район исследования, и условно границей пригородной зоны было выбрано расстояние 3 км.

Водоохранная зона – это территория, примыкающая к поверхности водных объектов, на которой действует специальный режим хозяйственной или иной деятельности с целью сохранения окружающей среды обитания и предотвращения загрязнения, засорения и истощения водных объектов. Прибрежно-защитные полосы устанавливаются в границах водоохранных зон с дополнительными ограничениями земле- и водопользования.

Выделение водоохранных зон и прибрежно-защитных полос имеет ряд сложностей и отрицательных аспектов со стороны правовых норм. Нужно отметить, что при выделении границ зон природная составляющая учитывается косвенно, поэтому граница водоохранной зоны не включает все территории, требующие ограниченных действий в хозяйственном использовании. Мероприятия, разработанные по предотвращению загрязнения водных объектов, лишь предохраняют, не выполняя полной функции защиты среды. Процессы самоочищения ландшафтов и регулирования стоков и вовсе не учитываются. Генетические особенности территории не рассматриваются, а ширина водоохранной зоны проводится стандартно.

При выделении водоохранных зон и входящих в их состав прибрежных защитных полос прежде всего учитывается законодательная база Водного кодекса Российской Федерации [8]. Согласно статье 65 Водного кодекса РФ, ширина водоохранной зоны и ширина прибрежных защитных полос устанавливается за пределами населенных пунктов от линии максимального прилива, а если есть

набережная – ширина водоохранной зоны устанавливается от парапета набережной, а ширина прибрежной защитной полосы совпадает с ней. Водоохранная зона моря должна составлять в ширину пятьсот метров. Ширина прибрежной защитной полосы в зависимости от уклона морского берега: обратный или нулевой уклон проводится в ширину тридцать метров, до трех градусов уклон – сорок метров, если уклон берега три и более градуса – пятьдесят метров. На территориях населенных пунктов и городов ширина водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы устанавливается в зависимости от наличия набережной или системы водоотведения [8].

Водный кодекс не только устанавливает ширину и систему проведения водоохранной зоны и прибрежной защитной полосы, но и регламентирует природопользование в их границах. Особое внимание уделяется мероприятиям, обеспечивающим охрану водной среды. Проектирование и тип охранного сооружения водного объекта осуществляется с учетом сброса нормативно-допустимых вредных и загрязняющих веществ и микроорганизмов. Такие сооружения представлены:

- 1) централизованными системами водоотведения и ливневыми системами водоотведения;
- 2) системами для сброса сточных вод в централизованные системы водоотведения, если они предназначены для дождевых, дренажных, талых, инфильтрационных вод;
- 3) локальными сооружениями, предназначенными для очистки сточных вод с требованиями нормативно-допустимой очистки, предписанными законодательством охраны окружающей среды и кодексом;
- 4) сооружениями и системами для сброса отходов потребления и производства, отведения сточных вод в водонепроницаемые приемники [8].

На территориях огороднических, садоводческих и дачных организаций, где нет сооружений очистки вод, возможно применение водонепроницаемых приемников, устраняющих поступление веществ и микроорганизмов, вредных для окружающей среды. В установленных границах прибрежных защитных полос запрещается распашка земель и выпас сельскохозяйственных животных, размещение отвалов размываемых грунтов. На местности границы водоохранной зоны и прибрежных защитных полос водных объектов должны обозначаться установленными специальными знаками [8].

Охрану объектов ООПТ регламентируют Федеральный закон «Об охране окружающей среды», ЗК РФ [9], законы и нормативные акты. В ст. 94 ЗК РФ [9] устанавливается режим и структура охранных зон объектов ООПТ: «В целях защиты земель особо охраняемых природных территорий от неблагоприятных антропогенных воздействий на прилегающих к ним земельных участках могут создаваться охранные зоны. В границах этих зон запрещается деятельность, оказывающая негативное (вредное) воздействие на природные комплексы ООПТ. Границы охранных зон должны быть обозначены специальными информационными знаками. Размер буферной зоны должен осуществляться расчетным путем для каждого объекта ООПТ, однако, как правило, они достигают не менее 50 м (что составляет примерно две высоты взрослого дерева)».

Санитарно-защитная зона (СЗЗ) – специальная территория с особым режимом использования, которая устанавливается вокруг объектов и производств, являющихся источниками воздействия на среду обитания и здоровье человека.

Размеры и структуру СЗЗ определяет СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 [14] в зависимости от класса опасности предприятия.

Санитарные разрывы для железных и автомобильных дорог.
Придорожные полосы автомобильных дорог – земельные участки, прилегающие с обеих сторон к полосе отвода автомобильной дороги, в границах которых устанавливается особый режим использования земельных участков (частей земельных участков) в целях обеспечения требований безопасности дорожного движения, а также нормальных условий реконструкции, капитального ремонта, содержания автомобильной дороги, ее сохранности с учетом перспектив развития автомобильной дороги (для дорог II категории они должны составлять 75 м, для III категории – 50 м) [15]. По российскому законодательству, придорожные полосы автомобильных и железных дорог не относятся к санитарно-защитным зонам. Вместе с тем, при осуществлении дорожной деятельности в придорожных полосах используется понятие «санитарный разрыв». Санитарный разрыв определяется минимальным расстоянием от источника вредного воздействия до границы жилой застройки, ландшафтно-рекреационной зоны, зоны отдыха, курорта. Санитарный разрыв имеет режим санитарно-защитной зоны, но не требует разработки проекта его организации. Величина разрыва устанавливается в каждом конкретном случае на основании расчетов рассеивания загрязнений атмосферного воздуха и физических факторов (шума, вибрации и др.). Таким образом, санитарные разрывы автомобильных дорог устанавливаются не на всем протяжении прохождения трассы автомобильной дороги, а лишь в тех случаях, когда рядом расположена жилая застройка. Следовательно, отнести все придорожные полосы автомобильных дорог к санитарно-защитным зонам не представляется возможным. СНиП 2.07.01-89 [10] регламентирует ширину санитарного разрыва железной дороги – 100 м, считая от оси по крайнему железнодорожному пути. Автомобильные дороги общей сети I, II, III категорий должны проектироваться в обход поселений в соответствии со СНиП 2.05.02-85 [16]. Расстояния от бровки земляного полотна указанных дорог до застройки необходимо принимать в соответствии со СНиП 2.05.02-85, но не менее чем 100 м до жилой застройки.

На территории Красноперкопского района имеются автомобильные дороги регионального и местного значения и железная дорога. Для железной дороги ширина санитарного разрыва составляет 100 м, для автодорог регионального значения (IV класс) – 50 м, местного значения (V класс) – 25 м.

Целью создания карты ландшафтно-экологических ограничений хозяйственного использования территории является исключение из интенсивного природопользования наиболее ценных земель, а также выявление территорий, требующих особого, бережного отношения. Используя вышеперечисленные ресурсы, мы изучили неблагоприятные процессы, распространенные на территории района (подтопление, эрозия, опустынивание, суффозионно-просадочные процессы). Отдельным блоком в карты включались элементы экологической сети территории и ряд прочих ограничений (свалки, кладбища, заправки и др.). На карте ландшафтно-экологических ограничений

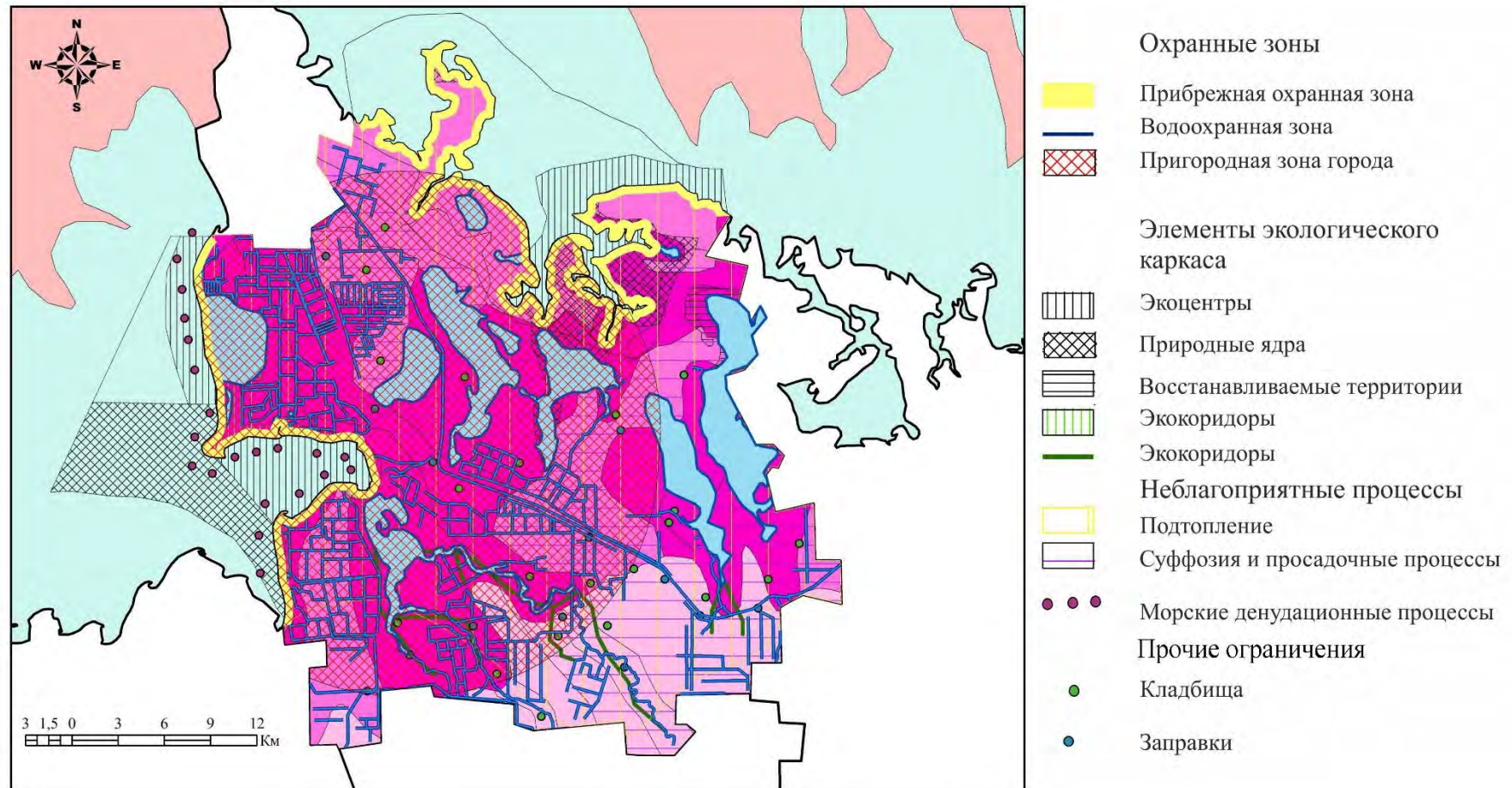
хозяйственного использования немасштабными линиями и окружностями обозначаются нормативные санитарно-защитные зоны от юридических границ предприятий и границы санитарных разрывов для железных и автомобильных дорог на период господства малоградиентных типов погод (т. е. независимо от направлений господствующих ветров). С целью избежания информационной «перегрузки» карты (рис. 4) при экспорте карты в данном масштабе СЗЗ предприятия и санитарные разрывы были исключены из легенды, однако в дальнейшем при ландшафтном планировании они, безусловно, учитываются.

Составление карты ландшафтного планирования

На основе всего картографического и описательного материала, полученного ранее (карты компонентов ландшафта, карта восстановленных ландшафтов Г. Е. Гришанкова, топографические карты), космических снимков, фондовых материалов, данных статистики, составленных нами ранее карт хозяйственной подсистемы современных ландшафтов и собственно современных ландшафтов, карты экологического состояния и неблагоприятных процессов, экологической сети, а также карты ландшафтно-экологических ограничений с применением ГИС составляется карта ландшафтного планирования территории.

Рисунок 5 представляет ландшафтное планирование территории Краснопереконского района Республики Крым. Для улучшения экологического состояния территории планирование включает расширение экологической сети и ввод ограничений на хозяйственное использование этих мест. Для агроландшафтов планируется разработать особый режим земельного и водного пользования. При ландшафтном планировании детализируется экологическая сеть – выделение и расширение сети экологических центров и экологических коридоров. В дальнейшем выделение границ требует более детального корректирования с учетом укрупнения масштабов планирования. Также планируется увеличение средообразующих геосистем. К планируемым средообразующим геосистемам следует отнести лесополосы вдоль полей и транспортной инфраструктуры. В частности, вдоль железной и автомобильных дорог рекомендуется разместить защитные лесополосы. Классическими породами для лесополос в Крыму являются робиния псевдоакация, ясень высокий, гледичия, традиционно ранее в их состав входили черешня, грецкий орех. Для придорожных лесополос следует заменять фруктовые деревья на газоустойчивые, так как аккумулирующие вредные вещества «придорожные» фрукты приводят к пищевым отравлениям и другим заболеваниям людей. Посадки из миндаля и грецкого ореха рекомендуется сохранить вдоль малонагруженных дорог (дорог местного значения), а также вокруг садов и виноградников.

Инструментами ландшафтного планирования для Краснопереконского района Республики Крым разработаны мероприятия по стабилизации неблагоприятных процессов, протекающих на суше и в береговой зоне моря. Неблагоприятные процессы распространены почти повсеместно на территории района, на основании карты ландшафтно-экологических ограничений предусмотрены мероприятия по их стабилизации: противоэрозионные (мероприятия по борьбе с линейной эрозией и плоскостным смывом), рекультивационные, противооползневые, противоабразионные, берегоукрепительные и др.

Рис. 4. Ландшафтно-экологические ограничения хозяйственного использования территории Красноперкопского района Республики Крым

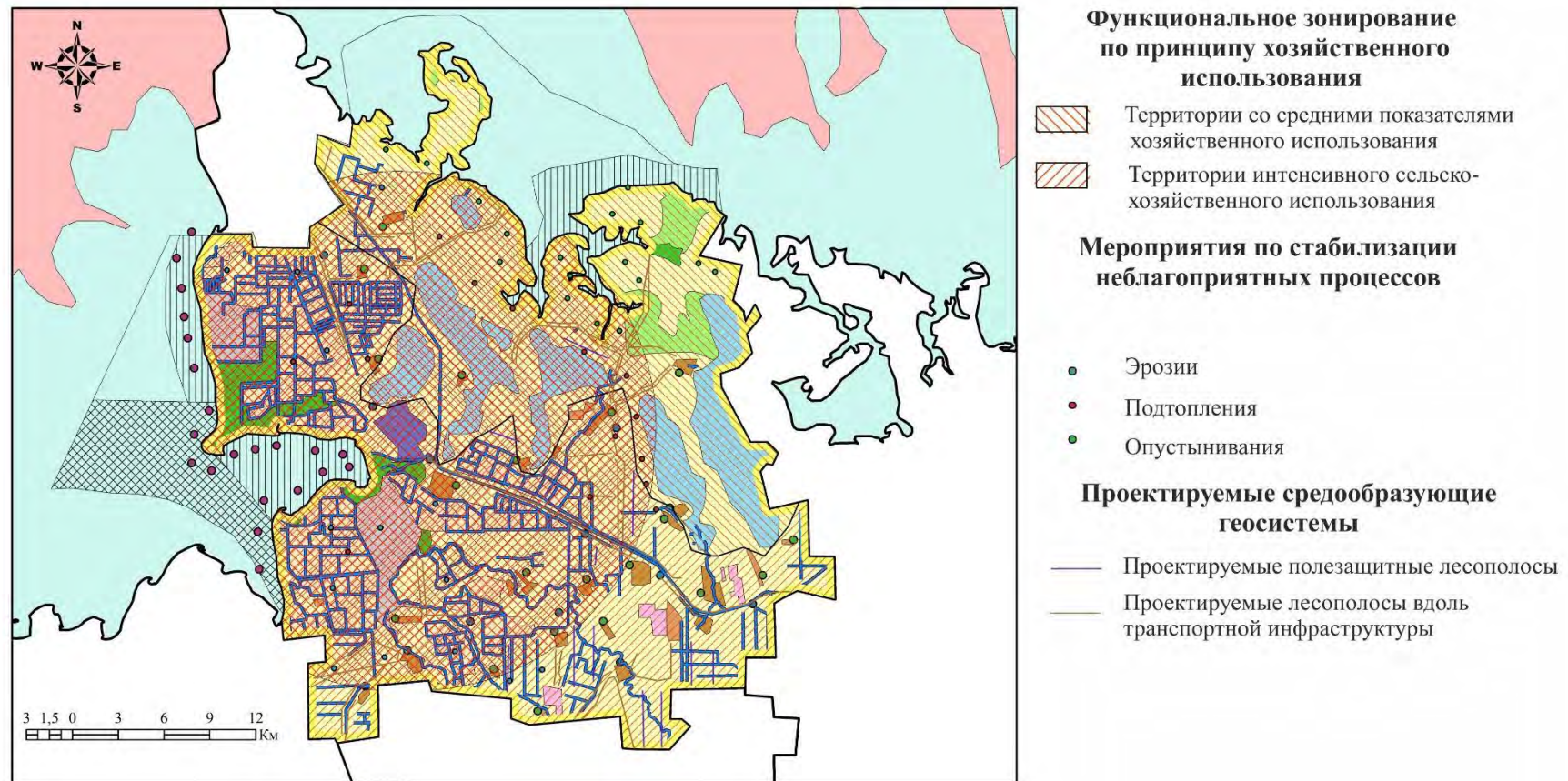

Рис. 5. Ландшафтное планирование и функциональное зонирование территории Краснопереконского района

Выводы

В результате исследования были составлены карты экологического состояния и неблагоприятных процессов, экологической сети, карты ландшафтно-экологических ограничений хозяйственного использования территории Краснопереконского района Республики Крым, а также итоговая карта ландшафтного планирования. Проведен анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации в области ландшафтно-экологических ограничений хозяйственного использования территории. Для Краснопереконского района Республики Крым ландшафтное планирование проводилось впервые.

Район исследования, как и другие муниципальные образования Республики Крым, нуждается в коррективах существующей системы хозяйствования при обязательном учете ландшафтного подхода, а это возможно только при ландшафтном планировании территории. Реализация ландшафтного плана Краснопереконского района позволит более оптимально использовать его ландшафтный потенциал, сохранить наиболее ценные ландшафты, обеспечить экологические потоки, улучшить наиболее уязвимые территории, сохранить наиболее деградированные компоненты ландшафта, снизить интенсивность негативных природно-антропогенных процессов, увеличить количество средообразующих и средостабилизирующих геосистем, что обеспечит качество окружающей среды и будет способствовать ноосферному развитию.

Литература

1. Позаченюк Е. А. Современные ландшафты Крыма и сопредельных акваторий. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 672 с.
2. Результаты программы «Оценка необходимости сохранения биоразнообразия в Крыму», осуществленной при содействии программы поддержки биоразнообразия BSP // Выработка приоритетов: Новый подход к сохранению биоразнообразия в Крыму. Вашингтон: BSP, 1999. С. 88–99.
3. Позаченюк Е. А. Теоретические подходы к ландшафтному планированию // Ученые записки Таврического национального университета. Серия: География, 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1. С. 237–243.
4. Позаченюк Е. А. Завальнюк И. В. Экологический аудит территорий (на примере равнинного Крыма). – Симферополь: ТНУ имени В. И. Вернадского, 2006. 175 с.
5. Предложения по охране окружающей природной среды и улучшению санитарно-гигиенических условий, по охране воздушного и водного бассейнов, почвенного покрова, организации системы охраняемых природных территорий / Под руководством С.И. Бычкова // Разработка разделов в Схеме территориального планирования Республики Крым, 2015. Т. 2. Книга 6. 244 с.
6. Распоряжение Совета министров Республики Крым от 05 февраля 2015 года № 69-р «Об утверждении Перечня особо охраняемых природных территорий регионального значения Республики Крым» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_239084.pdf.
7. Меметова Р. Ш. Экологические ограничения в ландшафтном планировании микрорайонов компактного проживания крымскотатарского населения

- г. Симферополь // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: География, 2013. Т. 26 (65). № 2. С. 53–58.
8. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 N 74-ФЗ. Действующая редакция от 28.12.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_60683.
  9. Земельный Кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ. Действующая редакция от 28.12.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/earth>.
  10. СНиП 02.07.01-89 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fireman.ru/bd/snip/2-07-01-89/2-07-01-89.html>.
  11. СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 Проектирование, строительство, реконструкция и эксплуатация предприятий, планировка и застройка населенных мест. Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 25.09.2007 N 74) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mhts.artinfo.ru/biblio/snips/sanpiny/2.2.1_2.1.1.1200-03/2.2.1_2.1.1.1200-03.htm.
  12. Позаченюк Е. А. Территориальное планирование. – Симферополь, 2006. 183 с.
  13. Петина, О. В. Косарев А. В. Пригородные зоны в территориальном планировании [Электронный ресурс] // ГИС Ассоциация. – Режим доступа: <http://www.gisa.ru/65220.html>.
  14. СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и других объектов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901859406>.
  15. Постановление Правительства РФ от 1 декабря 1998 г. N 1420 «Об утверждении Правил установления и использования придорожных полос федеральных автомобильных дорог общего пользования (с изменениями от 2 февраля 2000 г., 29 мая 2006 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12113862>.
  16. СНиП 2.05.02-85 «Автомобильные дороги» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://снп.рф/snip/view/93>.

Miroshnichenko I. A.¹
Kalinchuk I. V.²

Landscape planning of Krasnoperekopsky district of the Republic of Crimea

---

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida
Academy, Simferopol, Russian Federation
e-mail: ¹i.a.miroshnichenko@mail.ru, ²lks0324@yandex.ru

Abstract. *The article illustrates the algorithm of the method of landscape planning of administrative territories used by the scientific school of constructive and landscape geography in the Crimea. For the territory of the Krasnoperekopsky region of the Republic of Crimea maps of the ecological state and unfavorable processes of the territory of Krasnoperekopsky district, its ecological network, landscape and ecological*

restrictions of economic use of the territory and the final map of the area's landscape planning are developed based on maps of the restored landscapes, information on the current natural resource management, the previously developed map of the economic subsystem of present-day landscapes.

Keywords: *present-day landscapes, landscape planning, landscape-ecological restrictions of economic use, Krasnoperekopsky district, Republic of Crimea*

References

1. Pozachenjuk E.A. Sovremennye landshafty Kryma i sopredel'nyh akvatorij. Simferopol': Biznes-Inform, 2009. 672 s.
2. Rezul'taty programmy «Ocenka neobходимosti sohraneniya bioraznoobraziya v Krymu», osushhestvlennoj pri sodejstvii programmy podderzhki bioraznoobraziya v Krymu // Vyrabotka prioritetov: Novyj podhod k sohraneniyu bioraznoobraziya v Krymu. Vashington: BSP, 1999. S. 88-99.
3. Pozachenjuk E. A. Teoreticheskie podhody k landshaftnomu planirovaniyu // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta. Serija: Geografija. 2011. T. 24 (63). № 2. Ch. 1. S. 237-243.
4. Pozachenjuk E.A. Zaval'njuk I.V. Jekologicheskij audit territorij (na primere ravninnogo Kryma). Simferopol': TNU imeni V.I. Vernadskogo, 2006. 175 s.
5. Predlozheniya po ohrane okruzhajushhej prirodnoj sredy i uluchsheniju sanitarno-gigienicheskikh uslovij, po ohrane vozdušnogo i vodnogo bassejnov, pochvennogo pokrova, organizacii sistemy ohranjaemyh prirodnyh territorij / Pod rukovodstvom S.I. Bychkova // Razrabotka razdelov v Sheme territorial'nogo planirovaniya Respubliki Krym. – 2015. – T.2. – Kniga 6. – 244 s.
6. Rasporjazhenie Soveta ministrov Respubliki Krymot 05 fevralja 2015 goda № 69-r «Ob utverzhdenii Perechnja osobo ohranjaemyh prirodnyh territorij regional'nogo znachenija Respubliki Krym» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_239084.pdf.
7. Memetova R. Sh. Jekologicheskie ogranichenija v landshaftnom planirovanii mikrorajonov kompaktnogo prozhivaniya krymskotatarskogo naselenija g. Simferopol' // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. – Serija: Geografija. – 2013. – T. 26 (65). – № 2. – S. 53-58.
8. Vodnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 03.06.2006 N 74-FZ. Dejstvujushhaja redakcija ot 28.12.2013 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_60683.
9. Zemel'nyj Kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ. Dejstvujushhaja redakcija ot 28.12.2013 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru/popular/earth>.
10. SNiP 02.07.01-89 «Gradostroitel'stvo. Planirovka i zastrojka gorodskih i sel'skih poselenij» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://fireman.ru/bd/snip/2-07-01-89/2-07-01-89.html>.
11. SanPiN 2.2.1/2.1.1.1200-03 Proektirovanie, stroitel'stvo, rekonstrukcija i jekspluacija predprijatij, planirovka i zastrojka naselennyh mest. Sanitarno-zashhitnye zony i sanitarnaja klassifikacija predprijatij, sooruzhenijinyh ob#ektov (utv. Postanovleniem Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 25.09.2007 N 74) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

- http://mhts.artinfo.ru/biblio/snips/sanpiny/2.2.1_2.1.1.1200-03/2.2.1_2.1.1.1200-03.htm.
12. Pozachenjuk E.A. Territorial'noe planirovanie. Simferopol', 2006. 183 s.
  13. Petina, O. V. Kosarev A.V. Prigorodnye zony v territorial'nom planirovanii [Jelektronnyj resurs] // GIS Associacija. – Rezhim dostupa: <http://www.gisa.ru/65220.html>.
  14. SanPiN 2.2.1/2.1.1.1200-03 «Sanitarno-zashhitnye zony i sanitarnaja klassifikacija predpriyatij, sooruzhenij i drugi hob#ektov» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/901859406>.
  15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 1 dekabnja 1998 g. N 1420 «Ob utverzhdenii Pravil ustanovlenija i ispol'zovanija pridorozhnyh polos federal'nyh avtomobil'nyh dorog obshhego pol'zovanija (s izmenenijami ot 2 fevralja 2000 g., 29 maja 2006 g.) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/12113862>.
  16. SNiP 2.05.02-85 «Avtomobil'nye dorogi» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://snip.rf/snip/view/93>.

Поступила в редакцию 14.11.2017г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Валитова Лилия Аскарвна	Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Лаборатории институционального анализа ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»
Калинчук Ирина Владимировна	Ассистент кафедры физической географии, океанологии и ландшафтоведения Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Ковалюк Ярослав Михайлович	Магистр кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Мирошниченко Ирина Алексеевна	Старший преподаватель кафедры физической географии, океанологии и ландшафтоведения Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Оборин Матвей Сергеевич	Доктор экономических наук, кандидат географических наук, профессор кафедры экономического анализа и статистики Пермского института РЭУ им. Г. В. Плеханова
Ожегова Людмила Александровна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Позаченюк Екатерина Анатольевна	Доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой физической географии, океанологии и ландшафтоведения Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Табунщик Владимир Александрович	Аспирант кафедры физической географии, океанологии и ландшафтоведения Таврической академии (структурное подразделение) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Шерешева Марина Юрьевна	Доктор экономических наук, профессор кафедры прикладной институциональной экономики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»
Швец Александра Борисовна	Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ.....	3
Швец А. Б. РИСК ПОЛИТИЗАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ В КРЫМУ	5
Ожегова Л. А., Ковалюк Я. М. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ В МИРОВОМ ОКЕАНЕ	22
РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕОПОЛИТИКИ И ЭКОГЕОДИНАМИКИ.....	34
Позаченюк Е. А., Табунщик В. А. ПЛОТНОСТЬ ЛАНДШАФТНЫХ ГРАНИЦ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА	36
Оборин М. С., Шершнева М. Ю., Валитова Л. А. АНАЛИЗ КУРОРТНО-РЕКРЕАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ	48
Мирошниченко И. А., Калинчук И. В. ЛАНДШАФТНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ КРАСНОПЕРЕКОПСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ	64
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	80